

**В.В.Мархинин**

**РУССКИЙ ЭТНОС  
В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ:  
программа исследований в регионах Сибири**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
ОРДЕНА ЛЕНИНА СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ  
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

В. В. М а р х и н и н  
РУССКИЙ ЭТНОС  
В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ:  
ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕГИОНАХ СИБИРИ

Новосибирск  
1993

В.В.Мархинин

"Русский этнос в межэтнических взаимодействиях:  
Программа исследований в регионах Сибири"

Работа сделана в рамках региональной программы исследований  
"Ценности и социальные технологии устойчивого развития", реа-  
лизуемой Институтом философии и права СО РАН

Ответственный редактор  
член-корреспондент СО РАН В.И.Бойко

В Программе анализируется нынешняя проблемная ситуация в обра-  
зе жизни русского этноса с учетом значимости межэтнических вза-  
имодействий для его воспроизводства. Определены цель и задачи,  
выделены и охарактеризованы объект и предмет, раскрыты теорети-  
ко-методологические основания исследований образа жизни и меж-  
этнических взаимодействий русского этноса. Обозначены возможные  
методические подходы в эмпирических исследованиях в рамках Про-  
граммы. Показаны практически-прикладное предназначение и науч-  
но-организационная обеспеченность Программы исследований.

В Приложениях к основному тексту помещены исследовательские про-  
екты Ерохиной Е.А., Фурсовой Е.Ф., Удаловой И.В., Бажутиной Т.О.  
Исаковой Н.В. В этих проектах детализируются отдельные аспекты  
темы предлагаемой Программы.

Отв. за выпуск: В.Н.Гришаева

© Институт философии и права СО РАН,  
1993 г.

## I. Русская ситуация как проблема: актуальность исследований.

Русская нация, самая многочисленная в стране (на 1989 г. – более 145 млн.чел.), исторически является основной объединяющей силой уникального евразийского сообщества народов. Разрушение Советского Союза, исторически преемственной формы общегосударственного существования этого сообщества народов, привело и к национально-государственной дезинтеграции русской этнической общности. Значительная часть русского населения – около 25 млн.чел. или примерно 17% общей его численности в стране – внезапно оказалась проживающей в "ближнем зарубежье" относительно русских Российской Федерации. Русские в государствах, ставших вдруг для них "чужими", во многих случаях подверглись ущемлению в гражданских правах или даже стали вольными или невольными участниками и жертвами межэтнических конфликтов, беженцами из обжитых мест в Российскую Федерацию.

Между тем, в самой Российской Федерации разразившийся в последние годы социально-экономический кризис создал настолько неблагоприятные материальные условия для воспроизводства русского этноса, что в 1992 г. впервые за всю русскую историю в период мирного, в смысле как отсутствия состояния войны, так и отсутствия внутренних эксцессов и репрессий, сопровождающих политические перевороты и революции, произошло абсолютное сокращение русского населения на несколько десятков тысяч человек. И это стало теперь уже этнодемографической тенденцией.

Институционально способы и механизмы воспроизводства русского этноса ослаблены обнаружившейся на фоне "суверенизаций" этносов и национально-территориальных образований в Российской Федерации неопределенностью национально-государственного статуса русского этноса. Нет ответа на вопрос: в какой конкретно мере Российская Федерация является собственно русской формой государственности.

Очевидно, что и стабилизация обстановки в евразийском сообществе (а значит и в более широком геополитическом плане), и преодоление шока, вызванного внезапным расчленением исторической родины русских, и преодоление русского этнодемографического кризиса, и пути создания действенных институциональных способов и механизмов поддержки русской национально-государственной целост-

ности будут определяться прежде всего внутренним долготельно-половым потенциалом русского этноса, поведенческими и психологическими стереотипами, социальными установками, мировоззренческими ориентирами русского этнического сознания и самосознания. При этом по причине того, что русский этнос представляет собой тип "вмещающего" по отношению к огромному количеству народов, населяющих Россию, существенное значение имеют для воспроизводства русского этноса его непосредственные межэтнические взаимодействия, многообразно варьирующие по регионам.

## II. Цель программы исследований.

Цель программы исследований – изучение нынешнего состояния и динамики воспроизводства русского этноса в их влиянии на и зависимости от характера непосредственных межэтнических взаимодействий в регионах Сибири.

## III. О состоянии историографии и библиографии по теме программы исследований.

Для раскрытия темы исследования имеют значение труды по истории России, позволяющие осмысливать особенности русского образа жизни в широкой исторической ретроспективе. Емкие историографические и библиографические справки по истории России содержатся в энциклопедических изданиях: Россия. Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. С.-Пб., 1898. Репринт. Л., 1991. С.430–446; Советская историческая энциклопедия. М., 1971. Т. 13. С.647–715. См. также ценное новейшее издание историко-библиографического жанра: Бушуев С.В., Миронов Г.Е. История государства Российского. Историко-библиографические очерки. Книга первая. IX–XVI вв. М., 1991. Период после XVI века должен быть освещен в ожидаемой выходом из печати второй книге указанного сочинения. Трудам по истории России, созданным русскими историками-эмигрантами, посвящены соответствующие разделы в книге: Пашуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992.

Отдельно укажем некоторые исторические работы о включении Сибири в состав Российского государства и ее обживании русскими: Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб. 1886. Кн. I–2; Будинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. 1889; Бахрушин С.В. Сибирские туземцы под русской властью до ре-

волости 1917 года. (Исторический очерк)//Советский Север. Первый сборник статей. М., 1929; Александров В.А. Русское население Сибири XVII- начала XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964; Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982;

Вопросы этногенеза, обычаи, материальная и духовная традиционная русская культура отражены в этнографических работах. Историография и библиография этнографического изучения русских основательно представлены в труде Д.К.Зеленина, написанном в 1920-е годы: Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. В примечаниях к этому труду Т.А.Бернштам, Т.В.Станюкович и К.В.Чистов дополняют сведения Д.К.Зеленина данными за последующее время - вплоть до конца 80-х гг.

Русским в Сибири посвящены, в частности, следующие работы: Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб. 1865. Т. I-II; Костров Н., кн. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск., 1876; Молодых И.А., Кулаков П.Е. Илжустрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб. 1896; Зобнин Ф. Из года в год. Описание круговорота крестьянской жизни в селе Усть-Ницинском Тюменского округа//Живая старина. IV. СПб. 1894. Вып. I; Макаренко А. Канун по сибирским селениям//Живая старина. XVI. СПб. 1907. Вып. 4; Логиновский К.Д. О быте казаков Восточного Забайкалья//Живая старина. XII. СПб. 1902. Вып. 2; Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск. 1920; Майнов И.И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб. 1912; Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971; Потапов Л.П. (с участием Иванова С.В., Масловой Г.С. и Соколовой В.К.) Историко-этнографический очерк русского населения Сибири в дореволюционный период//Народы Сибири. Этнографические очерки. М., 1956; Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVII - первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. XVII- первая половина XIX в. М., 1991.

Особый интерес для нас должна представлять поставленная в прошлом веке, первоначально в 1850-60 гг. Г.Н.Потаниным, Н.М.Ядринцевым, А.П.Шаповым - идеологами сибирского областничества, проблема особой русско-сибирской этнической общности. Областники, выступая за автономию Сибири, за развитие местного самоуправления, против колониального типа развития сибирских регионов, доходили

до крайних сепаратистских требований – вплоть до отделения Сибири от России. Этим взглядам они находили обоснования, в частности, в утверждениях, что русские сибиряки – отдельная народность, возникшая за столетия со времени русского заселения Сибири под воздействием специфических природно-географических, климатических, хозяйственных условий и брачного смешения с местным аборигенным населением. Точка зрения областников дала толчок для этнографической разработки этой проблемы в последующие десятилетия прошлого века. Проблема позже ставилась в основном как поиск этно-характерологических черт русских сибиряков, отличающих (но совсем не обязательно отделяющих) их от русских европейской части страны. В сочинениях Н.Астырева, А.А.Кауфмана, А.И.Пыпина и др. на основе, не в последнюю очередь, личных научных наблюдений на местах дискутировались, например, тезисы о таких отличиях русских сибиряков, как выраженный прагматизм при развитом чувстве личного достоинства, сниженный уровень культурных запросов и религиозности, высокая степень межэтнической лояльности и т.д.

Дадим краткую библиографическую справку по этой проблеме: Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб, 1881; Шапов А.П. О русско-сибирской народности// Известия Сибирского отдела Географического общества. Иркутск. 1872–73. Т. 3, 4; Астырев Н. На таежных прогалинах. М., 1891; Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб, 1905; Пыпин А.И. Русская народность в Сибири//Вестник Европы.1892. № 1; Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902.

Мы бы сейчас сказали, что в этих работах ставится проблема русских сибиряков как русского субэтноса. Но едва ли оправданы генерализующие выводы этих работ, поскольку фактически в них обобщаются наблюдения, сделанные в отдельных конкретных регионах. И до сих пор тезис о существовании особого целостного русско-сибирского субэтноса остается сугубо гипотетическим. Гораздо более достоверны зафиксированные в работах этого круга некоторые региональные варианты этнографических особенностей старожильческого русского населения, формировавшегося с XVII в до середины второй половины XIX в., отличающие старожилы от тогдашних новопоселенцев. Думается, что сейчас реальна и актуальна проблема выделения сохранившихся в сибирских регионах старожильческих групп населения на предмет изучения особенностей их образа жизни в современной ситуации. В плане задач нашей исследовательской программы важно

было бы, в частности, изучить особенности межэтнических взаимодействий старожильческих групп русского населения, занятого обычно во многом в тех же промысловых отраслях хозяйственной деятельности, что и представители аборигенных народов Сибири. Русские старожилы имеют уникальный опыт межэтнических взаимодействий с аборигенными народами Сибири. Но использовать указанные работы можно, вероятно, лишь учитывая конкретную региональную привязку каждой из них.

Важно учесть опыт национального самопознания второй половины прошлого — первой половины нашего века, который можно было бы вслед за впервые использовавшим это выражение В.С.Соловьевым назвать поиском и обоснованием русской идеи. Историография русской идеи формировалась в трудах, явившихся следствием известной дискуссии между западниками П.А.Чаадаевым, В.Г.Белинским, К.Д. Кавелиным и др. и славянофилами А.С.Хомяковым, И.В. Киреевским, К.С.Аксаковым, Ю.Ф.Самариным и др. Выдающимся вкладом и стимулом поиска русской идеи стало художественное и публицистическое творчество Ф.М.Достоевского. Русская идея была развита в историософских сочинениях "поздних" славянофилов Н.Я.Данилевского, Н.Н.Страхова, К.Н.Леонтьева, в философской публицистике выдающегося русского философа западника В.С.Соловьева, в трудах русских религиозных философов Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, Н.О.Лосского, С.Л.Франка, в философско-антропологических эссе В.В.Розанова. В послеоктябрьской эмиграции русская идея обогатилась учением евразийцев Л.П.Карсавина, П.П.Сувчинского, П.Савицкого, кн. Н.С.Трубецкого, Г.В.Вернадского и трудами философов-государственников почвенников И.А.Ильина и И.Л.Солоневича.

Для предлагаемой программы исследований освоение историографии русской идеи значимо в нескольких аспектах. Могут оказаться важными те или иные используемые в ней теоретические средства анализа национальной жизни. Важно уяснить распознаваемое в историографии русской идеи бессознательное содержание национальной жизни и духа, в первую очередь — архетипичное и исторически устойчивое содержание мировоззренческих и характерологических ориентаций русского этноса и русского типа личности. Важно, далее уяснить специфику того же содержания в его артикулированности сознательной рефлексией и в его зависимости от убеждений и настроений интеллигенции, создавшей это формообразование национального самосознания — собственно русскую идею. В целом же освоение



историографии русской идеи — это незаменимая составляющая способ формирования исходной гипотезы о содержании и специфике русской этничности как она пребывает в истории, видоизменяясь в конкретно-исторических обстоятельствах, и что нас специально интересует — как ее состояние трансформируется превратностями нынешней русской ситуации, как она сама способна видоизменять ситуацию в благоприятном направлении.

Современное — в смысле соответствующих периодов послеоктябрьского времени — состояние образа жизни русской нации получало некоторое отображение до середины, а отчасти и до конца 1980-х годов, в основном лишь попутно в огромном историографическом массиве, посвященном процессам интернационализации общественной жизни, национальным отношениям, взаимодействию и взаимовлиянию культур, национально-государственному устройству СССР и РСФСР. (См. одну из последних работ такого рода, в которой можно найти историографию и библиографию по указанной тематике: Ненароков А. П. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917–1924. М., 1991.)

Специально образу жизни русской нации в ключе становящейся современности были тогда посвящены очень немногие отдельные работы. (См.: Панкратова А. М. Великий русский народ. М., 1952; Веллидов А. С. О социалистическом преобразовании русской нации // Формирование социалистической нации в СССР. М., 1962; Вопросы формирования русской народности и нации. М.—Л., 1958. Постановка темы межэтнических взаимодействий русских в регионах Сибири осуществлена в работе: Степанов Н. Н. Великий русский народ и народности Крайнего Севера. Л., 1953.) К тому же, как видим по выходным данным, эти работы были созданы уже довольно давно. Работы такого рода, которые были бы изданы после 50-х гг., обнаружить не удалось.

Значение работ, посвященных интернациональной общности народов СССР и РСФСР, в том числе в этом контексте и немногих работ, посвященных специально русскому народу, состоит в том, что в них отражены происходившие после Октября 1917 г. изменения в образе жизни народов страны, социально-экономический и культурный прогресс, выравнивание уровней социально-экономического развития, становление советской метаэтнической общности людей. Однако в последнее время справедливо критиковались недостатки этой историографии. Один из главных недостатков — одностороннее освещение ре-

ального положения дел в угоду официальной идеологии за счет некритического отбора эмпирического материала и догматизации господствующей версии философии исторического материализма, полагаемой в основание теории наций и национальных отношений. (См. об этом подробнее: Мархинин В.В. Основные закономерности интернационализации общественной жизни. Новосибирск., 1989.) Противоречия, накапливавшиеся под воздействием процесса отчуждения властно-управленческих структур союзного государства и Российской Федерации от потребностей внутринационального развития в результате не были адекватно осознанными. Непредвиденным оказался разразившийся кризис в сфере национальных отношений, в образе жизни народов страны, в образе жизни русской нации.

В последние годы глубина кризиса образа жизни русского этноса наиболее ясно была осознана в этнодемографических работах. В отечественной литературе ранее других проблему демографического воспроизводства русского этноса остро поставила Г.И. Литвинова. (См., напр.: Литвинова Г.И. Свет и тени прогресса. (Социально-демографические проблемы СССР.) М., 1989.) Заметный резонанс в нашей литературе получила работа американского советолога специалиста-демографа М. Бернштама, в которой высказывался очень мрачный прогноз в отношении русской демографической ситуации при условии сохранения тех тенденций, которые сложились к концу 80-х гг. (См.: Бернштам М. Сколько жить русскому народу? // Москва. 1990. №5.)

Назовем также следующие работы, посвященные анализу русской демографической ситуации: Козлов В.И. "Имперская нация" или ущемленная национальность // Москва. 1991. №1; Вишневский А.Г., Захаров С.В. Демографические тревоги России // Вестник АН СССР. 1990. №8; Котов В.И. Этнодемографическая ситуация в РСФСР в 60-80-е гг. // Отечественная история. 1992. №5; Денисов Б.И., Эгеник В.Х. Прогноз изменений смертности в России до конца XX века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 1992. №4.

Работ, в которых специально анализировались бы тенденции складывания и характер нынешней русской этнодемографической ситуации в регионах Сибири, обнаружить не удалось.

Научные исследования более широкого, чем демография, предметного плана, к которым можно было бы обратиться для осмысления непосредственных предпосылок, а тем более самого характера нынешней русской ситуации, к настоящему моменту буквально наперечет.

В книге В.В. Карлова - Введение в этнографию народов СССР. (Стадиальные закономерности и локально-исторические особенности

этнокультурных процессов.) 1920-1980 гг. Часть 2. Учебное пособие. М., 1992 - один из разделов посвящен русскому этносу. Для нашей темы ценность данной работы заключается в том, что в качестве центральной здесь ставится проблема социальных факторов воспроизводства русской нации как этнически целостного сообщества. К сожалению, эмпирический базис работы В.В.Карлова небогат, сводится в основном лишь к некоторым обобщенным статистическим данным. Вероятно поэтому проведенный в работе анализ указанной проблемы не стал основанием для вывода о нарастании признаков кризиса русского образа жизни, для предположения его нынешней остроты и глубины.

Следует назвать также единственную в своем роде коллективную монографию под редакцией Ю.В.Арутюняна: Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. Образ жизни русского этноса 1970-80-х гг. представлен в монографии через такие многоплановые составляющие, как расселение, миграции, демографические процессы, семейные отношения, образование, национально-культурные ориентации, национальное самосознание, межнациональные установки. Анализ образа жизни основан на многообразном эмпирическом материале. Особенно нельзя не оценить значение для нашей программы опыта социологических опросов, апробированного в этом монографическом исследовании. Ибо, как справедливо подчеркнула Л.М.Дробижева, автор соответствующего раздела монографии, "других более надежных способов для изучения массового общественного мнения на сравнимом материале пока не найдено". (Русские. С.413.) Существенно для нас еще то, что образ жизни русского этноса рассмотрен в монографии под углом зрения межэтнических контактов, предполагаемым и темой нашей исследовательской программы.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в целом в монографии не отражен тот характер межэтнической напряженности, те аспекты изменений внутриэтнической жизни, которые хоть сколько-нибудь соответствовали бы углублявшемуся кризису русской этничности. Это во многом объясняется тем, что книга, вышедшая из печати в 1992 г., фактически создавалась гораздо ранее. Основная часть материала для монографии была получена в 1970 - начале 80-х гг., т.е. в пору, когда признаки неблагополучия не обнаруживались столь явно, как к началу 90-х гг.

Но все же недостаток прогнозной чуткости к тенденциям нарастания противоречий объясняется не только происхождением из 70-х

гг. в хронологическом смысле, а и несвободой от официозного идеологизма. В утрированном виде "родимые пятна" идеологизма проявились в заключительной главе монографии (автор - Ю.В.Арутюнян). Вся история русского образа жизни вплоть до середины 1980-х гг. предстает в заключительных обобщениях абсолютно противопоставленной изменениям "перестроечного" периода, как отрицательное положительному, что грубо искажает реальное положение дел.

Кроме того исходной моделью структуры национального самосознания, заложенное в исследовательский проект монографии, не предусматривалось исследование горизонта мировоззренческого содержания сознания. Поэтому здесь просто не идет речи о реальном архетипе русскости, восстановление которого возможно, конечно, лишь с небольшой долей достоверности и огромной долей гипотетичности, но и без восстановления которого образ национальной характерологии обречен стать плодом произвола.

Едва ли не первой в советской литературе работой о современном состоянии русской нации, в которой делался шаг к восстановлению духовной преемственности с некоторыми аспектами традиции историографии русской идеи, стала изданная в 1989 г. книга Е.С.Троицкого - Русская нация: социалистическое преобразование и обновление. Социально-философские очерки. Автор сосредоточивал усилия на раскрытии накапливавшихся в последние десятилетия проблемах в русской национальной жизни: экологических, демографических, социально-классовых. Важнейшим источником деятельного потенциала, направленного на разрешение проблем национальной жизни, по мысли автора, должна стать историческая память, питающая русский патриотизм, формирующая русский национальный характер.

Е.С.Троицкий явился одним из инициаторов создания и стал председателем Ассоциации по комплексному изучению русской нации (1988 г.), а затем - инициатором и руководителем Всемирного семинара "Русская идея и возрождение России" (1991). Под эгидой Ассоциации и семинара к настоящему времени изданы следующие труды их участников: Русская идея и обновление общества./Сб.статей. М., 1990; Троицкий Е.С. Возрождение Русской идеи: Социально-философские очерки. М., 1991; Он же. Русская идея. М., 1992. Ч.1 и 2; Русская идея и современность./Сб.ст. М., 1992.

Обращение к различным аспектам содержания историографии русской идеи в этих работах служит задаче осмысления особенностей современного мировоззренческого и характерологического содержа-

ния русского национального сознания и самосознания. Под этим углом зрения предлагаются постановка и подходы к решению острых проблем русского национального бытия: демографических, экономической реформы, экологии, профессиональной и народной культуры, национально-государственного устройства, межнациональных отношений и др. Но правда и то, что это преимущественно все-таки довольно общие постановки проблем, основанные чаще всего на, что называется, находящейся под руками эмпирии.

Как понятно из предыдущего, это направление исследований представляется обязательной предпосылкой для осуществления столь актуальных ныне теоретически обоснованных и эмпирически ориентированных программ изучения проблем образа жизни русского этноса.

В заключение нельзя не отметить, что при, в общем, трудно обозримом библиографическом и историографическом массиве трудов, имеющих значение для раскрытия темы предлагаемой нами программы исследований, в то же время непосредственное значение для нашей программы, нацеленной на изучение современной русской ситуации, имеют, как видно из обзора, очень немногие работы. Еще разительнее эта диспропорция выглядит, если иметь в виду, что нами тема поставлена применительно к определенным регионам — регионам Сибири. В частности, названные работы, имеющие наиболее непосредственное значение для изучения современной русской ситуации, либо вообще не профилированы регионально, либо — это относится к монографии "Русские. Этносоциологические очерки" — не включают анализ материала по регионам Сибири. Это подтверждает потребность в постановке нашей темы в данном региональном разрезе.

#### IV. Объект, предмет и задачи исследований

Объектом исследований в рамках предлагаемой программы являются современные условия и состояние жизнедеятельности русского населения в зонах его непосредственных межэтнических контактов в регионах Сибири.

Предмет исследований — состояние, способы, динамика и тенденции воспроизводства русской этничности в их зависимостях от межэтнических взаимодействий русского этноса в указанных регионах.

В соответствии с целью, объектом и предметом в программе исследований ставятся следующие задачи:

— экспликация в опоре на историческую, этнографическую и иную

научную литературу и источники, в опоре на опыт историографии "русской идеи" архетипического и исторически преемственного содержания русской этничности: факторов и способов воспроизводства этноса, стереотипов и установок этнического сознания и самосознания;

- анализ современного состояния и проблем образа жизни русского этноса, объективных факторов воспроизводства русской этничности в их обусловленности межэтническими взаимодействиями в сибирских регионах;

- изучение значимости этнокультурной традиции, архетипического и культурно-преемственного содержания этнического сознания и самосознания для воспроизводства русского этноса в современной ситуации, характерной для регионов Сибири;

- выявление особенностей воспроизводства русской этничности в контексте взаимодействий русского этноса с сибирскими народами различных культурно-мировоззренческих традиций (мусульманство, буддизм, шаманизм);

- анализ состояния и динамики русского этноколлективного сознания сибиряков в его отношении к современной общественной ситуации (доминанты общественных настроений, социальных идеалов, экономических ориентаций);

- исследование цивилизационных и геополитических ориентаций в их опосредованности ценностями этнического сознания и самосознания русских сибиряков (региональные вариации; вариации, зависящие от этнокультурной среды).

#### У. Характеристика объекта исследований

В Сибири в условиях различных ландшафтно-климатических зон и в результате взаимодействий между обитавшими в них этническими общностями (с древнейших времен существовали пронизывающие весь этот огромный край связи экономического обмена, миграционные и культурные взаимовлияния) исторически сложилось несколько региональных историко-этнографических областей. Выделяются пять таких крупных регионов: западно-сибирский (с субрегионами: южным - примерно до широты Тобольска и устья Чулыма на Оби, таежным и субарктическим), алтае-саянский (с горнотаежным и субарктическим субрегионами), восточно-сибирский (тундра, тайга, лесостепь), амурсо-сахалинский (дальневосточный) и северо-восточный (чукотско-камчатский). (См.: Этнография/Под ред. Ю.В.Бромлея и Г.Е.Маркова. М., 1982. С.292.)

Под влиянием региональных (и субрегиональных) природно-географических и климатических условий, а также в результате действия

тенденции к хозяйственной специализации, возникавшей в ходе длительных взаимодействий, сложилось несколько устойчивых традиционных хозяйственно-культурных типов этнических общностей: 1) пещие охотники и рыболовы таежной зоны; 2) охотники на дикого оленя в Субарктике; 3) оседлые рыболовы в низовьях больших рек (Оби, Амура, а также на Камчатке); 4) таежные охотники-оленьеводы Восточной Сибири; 5) оленьеводы тундры от Урала до Чукотки; 6) охотники за морским зверем на Тихоокеанском побережье и островах; 7) скотоводы и охотники Алтая и Саян; 8) скотоводы и земледельцы Южной и Западной Сибири, Прибайкалья и др. (Там же.)

У русских в Сибири, первоначальное проникновение которых сюда началось еще в XI в., когда новгородцы овладели Печерским путем в Кюргскую землю (Зауралье и Обской Север), а устойчивое заселение - с XIII в., после включения Сибири в результате похода Ермака (1581-1585 гг.) в состав Русского государства, основным традиционным видом хозяйственной деятельности является земледелие. Собственно русские и оказали решающее влияние на распространение и укоренение в традиции культуры земледелия в Сибири среди этносов, населяющих Южную и Западную Сибирь, Прибайкалье и некоторые другие регионы. Вместе с тем, отдельные группы русского населения, расселившиеся в регионах, непригодных и малопригодных для земледелия, адаптировались к образу жизни, характерному для иных традиционных хозяйственно-культурных типов этнических общностей: охотников и рыболовов таежной зоны, рыболовов низовий больших рек, скотоводов и охотников Алтая и Саян и др.

В этой связи подчеркнем, что отличие русских от других народов Сибири, этногенез которых происходил и происходит в тех или иных ее регионах, как некоренного для Сибири этноса от коренных, аборигенных этнических общностей, весьма относительно. Это отличие правомерно лишь в том смысле, что с точки зрения трактовки процесса этногенеза как возникновения самого архетипа русскости, русские не являются аборигенами Сибири. Но с более широкой точки зрения, в плане понимания этногенеза как исторического процесса становления этнонациональной общности, русские также, как и другие народы Сибири, этногенез которых происходил и происходит в сибирских регионах, является коренным, аборигенным народом Сибири.

С т а р о ж и л ь ч е с к о е русское население - особенно выразительное "живое свидетельство" укорененности русского этноса в Сибири. Как уже отмечалось, в этнографической литературе второй

половины прошлого века был поставлен вопрос об особом русском сибирском народе, который будто бы олицетворяют собой русские старожилы. И если неверно не только предположение об особом русском сибирском этносе, но и весьма проблематично предположение о едином русском сибирском субэтносе, то все же укорененность русского этноса в Сибири очевидна из того факта, что старожильческое население стало основой для образования ряда отдельных русских сибирских субэтнических общностей. Это значит, что этногенез русских как этнонациональной общности продолжался и на территориях Сибири. Хотя сейчас исследователями отмечаются тенденции размывания русских субэтнических общностей (этнографических групп), однако и это не противоречит сказанному, ибо и с учетом этого обстоятельства речь идет об этногенетическом процессе, об иной фазе того же процесса.

Конфессиональный признак — принадлежность к старообрядчеству (кержаки) — стал объединяющим для следующих этнографических групп из старожильческого населения Сибири: **каменщиков**, поселившихся в горных районах Алтая по р. Бухтарме и р. Уймону в XVII — XVIII вв. ("в камне"), **польяков** — потомков переселенных после раздела Польши из местечка Ветки на Алтай в район Усть-Каменогорска, **семейских** — потомков старообрядцев, высланных в XVIII в. в Забайкалье.

Своеобразие промысловых занятий — рыболовства и охоты — в сочетании с собаководством и оленеводством в условиях Заполярья и тесных хозяйственных, бытовых и культурных контактов с северными этносами чуванцев и икагиров стали фактором образования этнографических групп **русскоустьинцев** (с. Русское Устье на р. Индигирке) и **марковцев** (с. Марково в устье реки Анадыря).

**Казак** — потомки русских старожилов — представляют собой пример того, как сословный признак послужил фактором формирования групп населения, имеющих регионально варьирующие черты этнографических групп. Региональное своеобразие различным группам казаков придается кроме того вхождением в них различных для каждого данного региона местных этнических элементов. Так, в состав забайкальских казаков, формировавшихся со второй половины XVIII в., кроме русских вошли буряты и эвенки; амурские и уссурийские казаки сложились в XIX в. из забайкальских казаков и представителей народов Приамурья.



Этнически смешанные браки стали главным фактором формирования таких русских сибирских субэтнических групп как якуты (жители бывших ямских селений по р.Лене), камчадалы - на Камчатке, карымы - обрусевшие буряты в Забайкалье, колымчане на р.Колыме, затундренные крестьяне на р.Дудинка и Хатанга (последние восприняли долганский язык, а отчасти и якутский). (См.: Народы мира. Этнографические очерки. Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т.1. С.146-147; Русские в мире. М., 1991. Вып. 2. С.10-12).

Не удалось обнаружить данных о численности (и других демографических характеристиках) указанных этнографических групп русских Сибири. В то же время ясно, что они составляли в период своего формирования лишь некоторую часть русского старожильческого населения, а ныне - лишь некоторую часть потомков старожилов Сибири.

Исследователи второй половины прошлого века, отличая старожилов от новопоселенцев, имели в виду русское население, которое уже дало потомство в Сибири к тому времени, в которое протекала деятельность этих исследователей. Современные исследователи, говоря о старожилах, обычно имеют в виду русских, поселившихся в Сибири до конца прошлого века или в досоветский период. Очевидно, что особенностью этого населения является то, что оно было носителем традиционной, т.е. основанной прежде всего на сельскохозяйственном - земельном и промысловом - производстве, русской культуры.

К 1917 г. в Сибири проживало более 7 млн. русских, которые, естественно, в массе своей были носителями традиционной культуры, т.е. старожилами. В советский период основная часть мигрантов принадлежала к носителям индустриального образа жизни, ибо сама миграция в Сибирь определялась потребностями индустриального освоения сибирских регионов. Учитывая, что за советский период произошло в целом удвоение русского населения, и исходя из такого примерно темпа естественного прироста и при оценке демографического прироста русского населения Сибири, учитывая также то, что к настоящему времени лишь около четверти русских остались сельскими жителями, т.е. могли так или иначе воспроизводить нормы традиционной культуры, более или менее правомерно предположить, что около 3 млн. русских жителей Сибири могут сейчас относиться к категории старожильческого населения. Наиболее "чистые" потомственные линии этого населения в рамках исторически преемственных коллек-

тивно-поселенческих структур сохранились, по всей вероятности, на "маршрутах" давних и устойчивых потоков миграции русских из европейской части России в Сибирь. Так, думается, что особого внимания с этой точки зрения заслуживают старинные поселения на Обском Севере - в Югорской земле, через которую проходили особенно древние пути русской миграции в Сибирь. Здесь, конечно, накоплен уникальный опыт межэтнических взаимодействий русских с малочисленными аборигенными народами: хантами, манси, ненцами.

Русское население Сибири, сформировавшееся из мигрантов советского периода, внутри себя тоже содержит слои различной степени укорененности. Если бы русское население Сибири после Октября 1917 г. увеличивалось только за счет естественного прироста, то к настоящему времени оно могло бы достичь численность только около 14-15 млн. человек, в то время как по данным переписи 1989 г. оно составляет 26.778 тыс. человек. Указанная "разница" образовалась не за счет однажды прилившей в Сибирь волны русской миграции, а и за счет потомков мигрантов разного времени. Большая часть мигрантов советского периода, осев в Сибири, оставила здесь потомство от одного до четырех поколений (если считать, как это принято, временем смены поколений 25-летний цикл). Конечно, все эти потомки мигрантов советского периода также являются коренными жителями Сибири, хотя и не в том смысле, в каком это относится к старожилам, ибо в отличие от старожил они не обладают признаком прямой и непосредственной принадлежности к традиционной русской культуре как общим для них признаком. Вместе с тем, это осевшее в Сибири в советский период население представляет своей жизнедеятельностью многообразные традиции и переходы во взаимосвязи традиционной русской культуры и культуры, условно говоря, "индустриально-городского" типа.

Еще две категории русского населения Сибири, выделяющиеся в плане значения миграций в формировании его структуры: мигранты-новоселы в первом поколении, т.е. люди, находящиеся в первоначальной неустойчивой фазе процесса укоренения, и мигранты, вообще временно проживающие здесь.

Последняя категория населения занимает заметное место в структуре населения Сибири, ибо все ее субрегионы, ставшие зонами промышленного освоения, относятся к регионам с высоким миграционным оборотом населения. (См.: Корель Л.В., Таплина В.С., Трофимов В.А. Региональные особенности миграционной ситуации в

Каждая из выделенных выше категорий населения имеет конечно же особенности в способах воспроизводства русской этничности, собственные "нормы реакции" в процессе межэтнических взаимодействий.

В частности, восприятие особенностей последней из названных категорий населения русскими людьми, прочно осевшими в Сибири, как и представителями аборигенных народов, отразилось в используемом ими по отношению к этой категории определении - "пришлые", со смысловым оттенком - "временщики". Подразумевается осуждение "пришлых" за разрушение сибирской природы, за пренебрежение принятыми местным населением нормами поведения и т.п. Разумеется, все это справедливо по отношению далеко не ко всем временно проживающим в Сибири мигрантам. Тем не менее, ясно, что за этим определением стоит и реальность некоторых групповых особенностей данной категории населения. Естественно ожидать, - это важно отметить с точки зрения задач нашей программы - что именно в этой категории населения особое распространение имеет тип социально и этнически маргинальной личности.

Русские как этнонациональная общность с давних пор формировались как "вмещающий" этнос по отношению к аборигенным этносам и другим этническим группам, населяющим Сибирь. Так, в начале XVII в. (по данным на 1719 г.) русские уже составили 66,9% всего населения Сибири. К 1917 г. доля русских в населении Сибири достигла 77,6%. (См.: Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719-1917 гг.)//Советская этнография. 1980. №6. С.27.)

К настоящему времени, по данным переписи 1989 г., доля русских в населении Сибири возросла до 83,4% (в абсолютных цифрах соответственно: 26.778 тыс. и 32.116 тыс. чел.). (Рассчитано по: Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С.134-152.)

Это повышение доли русских в населении Сибири произошло несмотря на то, что к моменту переписи на фоне усилившихся в стране процессов этнонационального самоопределения, усилились, по всей вероятности, и процессы этнической идентификации переходных в этническом плане групп населения нерусской (по происхождению) национальности. Последнее предположение кажется особенно справедливым по отношению к представителям родственных русским славянских народов - украинцев и белорусов. Иначе трудно было бы понять резкий

скачок численности "сибирских" украинцев и белорусов в последние годы. Так украинцев в Сибири с 1983 по 1989 гг. стало в 1,4 раза больше (в абсолютных цифрах соответственно: около 1.000 тыс. и 1.420 тыс. чел.), а белорусов - в 1,7 раза больше (в абсолютных цифрах соответственно: ок. 200 тыс. и 336 тыс. чел.). (Рассчитано по: Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986. С.176; Национальный состав населения РСФСР. С.134-152.) Хотя и менее заметно, но все же могли сказаться на доле русского населения подобные же процессы и у других этнических групп и этносов, населяющих Сибирь.

С конца 1980-х и начала 90-х гг. (особенно с 1992 г.) на величину доли русских в населении Сибири оказывают и еще будут оказывать влияние отток русских из ряда северных сибирских регионов, обусловленный нынешним экономическим кризисом и резким ухудшением условий жизни, за пределы Сибири, и встречный ему приток русских мигрантов из республик бывшего Союза, вызванный разрушением общей государственности нашей страны. Из соотношения величины этих потоков будет складываться их положительное или отрицательное влияние на величину доли русских в населении Сибири. Отмеченные выше и здесь процессы, как и другие, влияющие на русскую этнодемографическую ситуацию в сибирских регионах, требуют специального внимания в контексте решения задач данной Программы исследований.

Вместе с тем понятно, что есть все основания говорить об упорочении к настоящему времени "статуса" русского этноса в Сибири в качестве "вмещающего". Тем более, что за советский период упрочилась и этнонациональная интегрированность русского сибирского населения в состав русского этноса в целом. Об этом свидетельствует то, что за время после Октября доля русского населения Сибири во всем русском населении возросла с приблизительно 10% (в абсолютных цифрах соответственно: около 7 млн. и около 71 млн.чел.) до - по данным на 1989 г. - 22,3% от русского населения РСФСР или до 18,4% от русского населения всей страны (в абсолютных цифрах соответственно: 26.778 тыс., 119.866 тыс. и 145.155 тыс. чел.) (Рассчитано по: Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности и расселения русских после Великой Октябрьской социалистической революции//Советская этнография. 1982. №5. С.7-9; Национальный состав населения РСФСР. С.6, 134-152.)

Способы воспроизводства русской этничности, характер и интенсивность межэтнических взаимодействий русского этноса во многом зависит от сложившегося к настоящему времени административ-

ного и национально-территориального устройства Сибири, от размещения русского населения и его демографического, бытового, правового соотношения с представителями иных национальностей в структуре этого устройства.

В пятнадцать административно-территориальных образованиях – Тюменской, Омской, Томской, Новосибирской, Кемеровской, Иркутской, Читинской, Амурской, Камчатской, Магаданской, Сахалинской областях и Алтайском, Красноярском, Приморском, Хабаровском краях – проживает большая часть русского населения Сибири. Без русского населения, проживающего в национально-территориальных автономиях, входящих в состав ряда областей и краев, эта часть русского населения составляет 23.175 тыс. чел. или 86,5% всех русских Сибири. Численность русского населения в этих областях (взятых без входящих в некоторые из них автономий) колеблется от 382 тыс. в Камчатской области до 2.870 тыс. в Кемеровской области.

Хотя в названных областях и краях вне пределов входящих в некоторые из них автономий проживают в основном русские, однако здесь, не говоря уже о смешанном национальном составе городов и проживающих в большинстве сельских поселений отдельных лиц и семей нерусской национальности, имеются и компактные поселения различных этнических групп и целых этносов. Так, в областях Западной Сибири – Тюменской, Омской, Новосибирской, Кемеровской областях имеются компактные поселения коренного этноса Сибири – сибирских татар (их численность превышает 100 тыс. чел.). В Кемеровской области находятся территории традиционного обитания (Горная Шория) и соответственно компактные поселения шорцев (их общая численность – 15.700 чел.). В областях Западной Сибири и на юге Сибири – в Алтайском крае – имеются компактные поселения немцев (всего их в Сибири проживало на 1989 г. свыше полумиллиона человек). И у сибирских татар, и у шорцев, и у немцев, проживающих в Сибири, проблема статуса национальной автономии находится к настоящему времени в стадии решения. И то, что делается в данной стадии решения вопроса – это именно создание национально-территориальных поселенческих общин. В областях и краях, в которые входят автономные округа и автономные области аборигенных народов Сибири (в Тюменской области Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, в Алтайском крае – Горно-Алтайская автономная область, в Красноярском крае – Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа, в Иркутской области – Усть-Ордынский

Бурятский автономный округ, в Читинской – Агинский Бурятский автономный округ, в Камчатской – Корякский автономный округ, в Магаданской – Чукотский автономный округ), за пределами округов также имеются многочисленные компактные поселения народов, как тех, названия которых значатся в названиях перечисленных автономных образований, так и других коренных этносов Сибири.

Названные автономии, кроме Горно-Алтайской области (общая численность алтайцев – 69.400 чел.) и двух Бурятских округов (в них проживает бурятов соответственно: 49.300 и 42.400 чел.), являются национально-государственными формами, призванными обеспечить этническое развитие соответствующих малочисленных народов Севера, выделяемых (исследователями, органами государственного управления и самосознанием этих народов) как типологически единая группа этносов. Аборигенами Сибири являются 25 малочисленных народов Севера<sup>\*</sup>: ханты (общая численность – 22.300 чел.), манси (8.300), ненцы (часть ненцев проживает в европейской части России: в Ненецком автономном округе – 6.400 и Архангельской области – 7.200, всего ненцев – 34.200 чел.) селькупы (3.600), эвенки (29.900), эвены (17.100), кеты (1.100), тофалары (720), долганы (6.600), нганасаны (1.300), чуванцы (1.400) негидальцы (590), орочи (880), ороки (180), нанайцы (11.900), ульчи (3.200), удэгейцы (1.900), нивхи (4.600), кякагиры (1.100), чукчи (15.100), ительмены (2.400), коряки (8.900), эскимосы (1.700), алеуты (640). Общая численность народов Севера Сибири около 166 тыс. чел.

Как видно, "титულно" адресованные национально-государственные формы этнического развития имеют 7 из 25 северных народов Сибири. Некоторые из этих народов, хотя и не названы в титулах автономий, но, проживая на территориях тех или иных из них, обладают таким же правовым статусом, как и этносы, обозначенные в названиях автономий. Это – эвены, кеты и селькупы в Эвенкийском округе, нганасаны и кеты в Таймырском, кякагиры в Чукотском округе и др. По отношению к остальным северным этносам отсутствие специально предназначенных для них форм национально-государственного устройства объясняется прежде всего их малочисленностью и характером расселения, в частности тем, что северные народы часто расселены небольшими анклавами на огромных территориях.

---

<sup>\*</sup>Вместе с саами, проживающими в Мурманской области, малочисленных народов Севера России – 26.

К настоящему времени проблемы этнического развития народов Севера решаются не путях формирования системы их национально-территориального самоуправления. Представители народов Севера, проживающие за пределами автономных образований рассматривают и начинают реализовывать инициативы по созданию национально-поселенческих общин и национальных районов в местах компактного проживания. Такой же процесс идет и внутри автономий, но здесь он не ограничивается только поселенческим уровнем, но происходит и формирование элементов национального самоуправления вплоть до уровня округов в целом, сочленяемых с системой национально-государственного управления округами.

В Сибири кроме автономий существуют также национальные республики аборигенных народов: Якутская (Саха), Бурятская, Тувинская и Хакасская. Всего якутов — 380 тыс. чел., основная часть — 365 тыс. чел. — проживает в национальной республике. Общая численность бурятов — 417 тыс., в республике проживает 250 тыс. чел.; значительная часть бурят, как упоминалось, проживает в двух бурятских округах. Тувинцев — 206 тыс., в Тувинской республике проживает 199 тыс. чел. Хакасов — 78.500 чел., в Хакасской республике проживает 62.900 чел. Часть коренного национального населения этих республик также имеют места компактного проживания вне "своих" республик, на сопредельных территориях. Так, якутские поселения имеются на Таймыре, в Эвенкии, на Чукотке, хакаские — в Туве и т.д.

Коренные народы Сибири принадлежат к различным духовно-мировоззренческим культурным традициям: православной (русские, отчасти — якуты, некоторые народы Севера, хакасы, испытавшие влияние православия), мусульманской (сибирские татары), буддистско-ламаистской (буряты, тувинцы), шаманистской (народы Севера, алтайцы, хакасы, шорцы, якуты). Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, образуемые этими народами, причудливо соотносятся с их этногенетическими корнями, что можно видеть из сопоставления приведенных в начале раздела данных с данными приводимой ниже табл. I., в которой указана принадлежность народов к различным языковым семьям и группам и их расселение по национально-государственным и административным образованиям.

В Сибири, наконец, имеется автономное образование некоренного народа — Еврейская автономная область (в составе Хабаровского края). Еще в период образования этой автономии (1934 г.) у инициаторов должны были бы возникнуть сомнения в целесообразности этого. Во-

Т а б л и ц а I

Коренные народы Сибири: языковые семьи и группы – расселение по автономиям, краям и областям РФ

Языковая семья, группа, народ	Территория преимущественного расселения
I	2
Уральская семья, угорская группа	
1. Ханты	Отд. р-ны Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого АО, Тюменской обл.
2. Манси	Отд. р-ны Ханты-Мансийского АО и Свердловской обл.
Самодийская группа	
3. Ненцы	Ненецкий АО, р-ны Ямало-Ненецкого и Таймырского АО, о. Колгуев
4. Селькупы	Отд. р-ны Ямало-Ненецкого, Эвенкийского АО, Томской обл.
5. Нганасаны	Отд. р-ны Таймырского АО
6. Энты	Отд. р-ны Ямало-Ненецкого и Таймырского АО
Алтайская семья, тюркская группа	
7. Якуты	Якутская (Саха) Р., отд. р-ны Эвенкийского и Таймырского АО, Магаданской обл.
8. Сибирские татары	Отд. р-ны областей Западно-Сибирского региона
9. Тувинцы	Тувинская Р.
10. Хакасы	Хакасская Р., отд. р-ны Тувинской Р.
11. Алтайцы	Горно-Алтайская АО
12. Шорцы	Отд. р-ны Кемеровской обл.
13. Долганы	Отд. р-ны Таймырского АО
14. Тоболары	Отд. р-ны Иркутской обл.
Монгольская группа	
15. Буряты	Бурятская АССР, Агинский и Усть-Ордынский АО



## Тунгусо-маньчжурская группа

16. Эвенки Эвенкийский АО, отд. р-ны Якутской и Бурятской Р., Хабаровского края
17. Эвены Отд. р-ны Якутской (Саха) Р., Магаданской и Камчатской обл.
18. Нанайцы Отд. р-ны Хабаровского и Приморского краев
19. Ульчи Отд. р-ны Хабаровского края
20. Удэгейцы Отд. р-ны Хабаровского и Приморского краев
21. Орочи Отд. р-ны Хабаровского края
22. Негидалыцы - " -
23. Ороки - " -

## Чукотско-камчатская семья

24. Чукчи Чукотский АО, р-ны Корякского АО, Якутской (Саха) Р. и Магаданской обл.
25. Коряки Корякский АО, отд. р-ны Магаданской обл. и Чукотского АО
26. Ительмены Отд. р-ны Корякского АО
27. Чуванцы Отд. р-ны Якутской (Саха) Р.

## Эскимосско-алеутская семья

28. Эскимосы Отд. р-ны Чукотского АО, о.Врангеля, Командорские острова

## Изолированные языки

29. Нивхи Отд. р-ны Хабаровского края и Сахалинской обл.
30. Кеты Отд. р-ны Эвенкийского, Таймырского АО
31. Юкагиры Отд. р-ны Якутской (Саха) Р. и Магаданской обл.

первых, в Сибири всегда проживала небольшая часть всего еврейского населения страны, а во-вторых, и те евреи, которые здесь проживали предпочитали в подавляющем большинстве городской образ жизни и жили в "рассеянии" по городам Сибири. Нельзя не согласиться с мнением, что ныне на высшем законодательном уровне требуется принять решение о роспуске данной автономии как ничем не оправданного политического анахронизма и с очевидностью искусственного национально-государственного образования. Общая численность населения БАО — 214 тыс. чел. Еврейское население округа сокращается в результате эмиграции в другие регионы и, как и в России в целом, в зарубежные страны. В 1970 г. в БАО проживало 11.500 евреев, а к 1989 г. их осталось всего 8.900 человек, из которых 8.300 проживает в центре автономии — в г. Биробиджане. Численность еврейского населения БАО — это, конечно же, ничтожная величина, если учесть, что к 1989 г. только в Сибири проживало все-таки около полутора миллиона евреев. Понятно, что данная автономия играет в этнической судьбе евреев Сибири не большую роль, чем вообще любое из еврейских национальных сообществ ("землчеств", "общин"), имеющих во многих сибирских городах.

Кроме уже названных этнических групп некоренных народов в Сибири проживают представители и многих других некоренных народов — по сути, представители почти всех народов и некоторых зарубежных народов. Отдельные из них имеют в Сибири и компактные места расселения, как, например, татары, казахи, чуваш. География расселения коренных и некоренных народов Сибири показана на карте (см. стр.26).




Русские не только в областях и краях, но также и в автономиях и национальных республиках, за исключением Тувинской, составляют большинство населения, хотя обычно не столь значительное, как в областях и краях. В Туве русские составляют 32% населения, тувинцы — 64,3%. Из остальных автономий и республик Сибири наименьшую долю в населении русские составляют в Якутской (Саха) республике — 50,3% (якуты — 33,4%), наибольшую — в Хакасской республике — 88,1% (хакасы — 11,1%). Но при этом особенностью является то, что гораздо большая доля русских сосредоточивается обычно в городах, невелика в сельской местности, в то время как представители коренных народов автономий и национальных республик наоборот. (Все приведенные выше данные о численности народов и этнических групп взяты из: Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989. М., 1990.) В автономиях и республиках особенно обширны и топологически причудливы зоны непосредственных межэтнических взаимо-





Народы Сибири (Карта из книги: ЭТНОГРАФИЯ  
ПОД РЕДАК. Ю.В. БРОМЛЕЯ И Г.Е. МАРКО  
М., 1982)






### ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СЕМЬЯ


-  Славянская группа  
1-Русские, 2-Уралишцы
-  Германская группа  
3-Немцы
-  4-Евреи

### УРАЛЬСКАЯ СЕМЬЯ



-  Финно-угорская группа  
5-Ханты, 6-Манси
-  Самодийская группа  
7-Ненцы, 8-Итавасы,  
9-Селькупы

### АЛТАЙСКАЯ СЕМЬЯ

-  Тюркская группа  
10-Чуваши, 11-Татары, 12-Казань,  
13-Алтайцы, 14-Хакасы, 15-Тувишцы,  
16-Якуты и долганы
-  Монгольская группа  
17-Бураты
-  Тунгусо-маньчжурская группа  
18-Эвенки, 19-Эвены, 20-Нанайцы,  
21-Удэгейцы, 22-Орочи

-  Палеоазиатские народы  
23-Чукчи, 24-Коряки, 25-Итель-  
менцы, 26-Юкагиры, 27-Нивхи

### ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКАЯ СЕМЬЯ

-  28-Эскимосы, 29-Алеуты
-  КЕТЫ  
30-Кеты

действий русских с другими народами, обитающими в Сибири.

Таким образом, как видим из этого краткого обзора условий воспроизводства и некоторых характеристик русского этноса, в Сибири эти условия и характеристики многообразно стратифицированы в регионально-географическом, административном и национально-государственном аспектах, в плане этнокультурной среды. Этим определяются трудоемкость, методические и иные сложности осуществления, но зато и значимость возможных результатов предлагаемой программы исследования. Для достижения цели и задач программы при такой сложности объекта важно точно зафиксировать предметное содержание исследования.

#### VI. Теоретико-методологические основания структурирования предмета исследований

Структура предмета исследований должна отображать внутреннюю логику организации образа жизни (русского) этноса как способа самореализации в качестве субъекта жизнедеятельности в целом и межэтнических взаимодействий, в частности.

Вопрос о внутренней логике организации образа жизни этноса как субъекта жизнедеятельности и межэтнических взаимодействий — это прежде всего вопрос о сущностном измерении этничности, генерирующем и организующем взаимосвязи основных составляющих образа жизни этноса.

##### а) Постановка проблемы сущности этноса: недостаточность дилеммы "социальное-биологическое"

Дискуссия в отечественной литературе о сущности этноса, продолжавшаяся на протяжении не одного десятилетия и незавершенная донныне, заставляет при обсуждении вопроса о сущностном основании структуры предмета нашей программы исследований обратить внимание на план взаимоотношений "социальное-биологическое". Именно по этому поводу бескомпромиссно столкнулись противоположные точки зрения. При общем признании феномена социально-биологической двойственности этноса, в то же время в работах одних авторов отстаивалась точка зрения о его социальной сущности (см., напр.: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973; Он же. Очерки теории этноса. М., 1983), в работах других — о биологической природе этноса (см., напр.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.)

Однако симптоматично, что многолетняя дискуссия (анализ и подробную характеристику точек зрения см.: Маржинин В.В. Диалектика социального и биологического в процессе становления этноса. Томск, 1989) так и не привела к взаимному плодотворному опосредованию и развитию противоположных позиций, они словно застыли в своих первоначальных аргументах и выводах. Представляется, что такое положение обусловлено ограничением, проистекающим из одной, утвердившейся еще в прошлом веке познавательной установки.

Укажем для иллюстрации этого утверждения на некоторые уязвимые моменты в концептуальном строе обозначенных противоположных позиций.

Л.Н.Гумилев обосновывал представление о биологической сущности этноса, трактуя ее как абсорбированную человеческими индивидами энергию некоего биосферного "толчка", приходящегося на тот участок поверхности Земли, где данные индивиды обитают, и расходуемую возникшим под воздействием "толчка" этническим коллективом на адаптацию к ландшафту в цикле его (коллектива) зарождения, подъема, упадка и распада.

С "социальностью" (или - "культурой", если использовать термин из иного эпистемологического регистра, о чем еще будет речь), согласно этой концепции, этногенетический процесс соприкасается только постольку, поскольку воспроизводство этноса как целостности обеспечивается "практически неповторимым стереотипом поведения", выделяющим данный этнический коллектив ("мы") среди всех других ("они"). Но ведь содержание этнического самосознания не сводится к стереотипам поведения. Его высшей инстанцией, организующей особым образом, в том числе и те же стереотипы поведения, является мировоззренческое содержание, то есть то, что принято называть еще духом, духовностью. Обосновывая идею о биологической сущности этноса, Л.Н.Гумилев фиксирует в содержании этнического самосознания лишь те поведенческо-психологические феномены, которые имеют общебиологические предпосылки и аналогии в животном мире. Собственно духовное содержание этнического самосознания, конечно же, невыводимо подобным образом и потому оно и не принимается во внимание в концепции Гумилева.

Правда, так обстоит дело в теоретической работе этого автора (см.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли.). Когда же автор в работе о русском этногенезе занят его конкретно-истори-

ческой реконструкцией, исходя из своей концепции, то "явочным порядком" обращается к духовному "фактору", конкретно - к содержанию православно-христианской веры, к проблеме ее преемственности и взаимоотношения с предшествовавшим ей славяно-языческим мировоззрением. Причем оказывается, что это духовное содержание существенно значимо для этногенеза. (См.: Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.) Однако откуда же могло происходить это содержание, если не из сферы "социальности" ("культуры")? И разве не опровергается тем самым концепция биологической сущности этноса?

Но, с другой стороны, нельзя не принять во внимание резонансность некоторых возражений, которые выставляет Л.Н. Гумилев против концепции социальной сущности этноса. В частности, он обращает внимание на то, что смена эпох различных социальных формаций - первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической - во многих случаях не влечет смены эпох этнического существования. Коль скоро этническое существование не определяется социальным строем, социальными факторами, делает вывод Л.Н. Гумилев, этнос не обладает социальной сущностью.

Заметим, что автор, противопоставляя прерывность социального и непрерывность этнического, имеет в виду сохранение этнической идентичности, т.е. преемственность содержания этнического самосознания на протяжении ряда сменяющихся социальных формаций. Очевидно, что это было бы невозможно, если бы содержание этнического самосознания в некоем существенном аспекте не являлось как бы надисторическим содержанием, если бы оно не имело интенции к выходу за пределы каждого данного социально-исторического периода в горизонт "вечной жизни". Иначе говоря, мы имеем здесь дело опять-таки с мировоззренческим содержанием этнического самосознания. Оно, это содержание, конечно же, не выводимо из области биологического существования, как противопоставляемой социальному существованию этноса. Однако ведь не выводимо оно и из "социальности" в той ее трактовке, которая подразумевается контекстом дискуссии.

Подразумевается же именно то, что социальность есть обязательно конкретно-историческая ступень (или прерывный ряд таких ступеней) в развитии коллективной, в данном случае - этноколлективной, жизни людей. Это, конечно, абсолютизация определенного значения категории "социальность". Ведь известен и иной, поглощающий это подразумеваемое значение, смысл категории "социаль-

ность": особая форма (ступень) мирового, вселенского бытия вообще, возникающая из предшествующего ряда форм материального движения – физической, химической, биологической. Следовательно, сводя "социальность" к подразумеваемой контекстом дискуссии о сущности этноса трактовке, изымают из рассмотрения тот аспект человеческого бытия, в котором оно предстает как бытие р о д о в ы х (принадлежащих человеческому р о д у ) существ. Мировоззренческое содержание этнического самосознания, позволяющее сохранять этническую идентичность при смене социальных формаций, очевидно является духовным опосредованием "надисторического" бытия этноса.

- б) Единство социологического и антропологического подходов в экспликации сущности и структуры этноса. Типологические черты русского этноса.

Отмеченная выше абсолютизация узкого значения категории "социальность" стала типичной после того эпистемологического поворота, который произошел в прошлом веке. До этого в познании человеческого бытия основополагающими теоретическими конструктами были почти взаимозаменяемые категории: "народ" или "нация" (в смысле близком к тому, в каком ныне используется термин "этнос"), с одной стороны, и с другой – "культура", в том значении этого слова, которое сохраняется и при использовании множественного числа – "культуры". Предполагалось, что "культуры" как раз и существуют не иначе, чем прежде всего и главным образом, как мы бы теперь сказали, в виде "этнокультур". Усилиями О.Конта, К.Маркса, Э.Дюркгейма – если назвать наиболее выдающиеся имена – произошла познавательная переориентация, результатом которой явилось то, что основополагающим теоретическим конструктом стал концепт – "общество".

Интуиция этого концепта была выявлена и удачно сформулирована Марксом в известном тезисе о том, что общество это не объединение человеческих индивидов, а совокупность отношений между ними. Тем самым были открыты для исследований предметно воплощенные и институционально организованные структуры коллективности. Это отвечало установке на о б ъ е к т и в н о е познание з а к о н о м е р н о с т е й в истории человеческого бытия. Прежде господствовавшие представления, согласно которым объективные структуры коллективности "растворялись" среди эманаций духа, а объединение людей в коллективную форму жизни выводилось



из "духа народа", "духа нации", не давали таких познавательных возможностей, ибо сам по себе дух не поддается рациональному постижению. Исторический материализм К.Маркса явился наиболее последовательным выражением новой концептуализации. Дух предстал в его социальной теории как внутреннее опосредование коллективно организованной человеческой жизнедеятельности; не как демиург предметно воплощенных структур коллективности, а как средство их организации и регулирования. Маркс раскрыл устройство коллективной жизни как объективную структуру взаимоотношений по "горизонтали" (взаимоотношения классов, профессиональных и половозрастных групп и др.) и по "вертикали" (детерминация базисными — экономическими — отношениями надстроечных: политических отношений и институционализированных форм общественного сознания). Как бы не третировали философию Маркса его идеологические противники, указанные аспекты его теории, конечно в тех или иных вариациях, вошли в основания современной социологии. В частности, широко применяемый, в том числе в исследованиях образа жизни этносов, "по-сферный" анализ, при котором выделяются и определенным образом субординируются и координируются сферы трудовых, экономических, социально-профессиональных, демографических, политических и иных отношений, представляют собой кальку теоретических положений его социологии.

Но что особенно важно подчеркнуть, поскольку в этом состоит обычно незамечаемое отличие Маркса от Конта и Дюркгейма, так это то, что в историческом материализме Маркса философская социология находится во взаимопредполагающем единстве с философской антропологией, которую он воспринял от Л.Фейербаха. (Подробно см.: Мархинин В.В. "Человеческий фактор" в социально-философской теории исторического материализма//Взаимодействие научно-технического и социального прогресса. Новосибирск, 1989.)

Фейербах раскрыл содержание центральной мировоззренческой религиозной категории — "бог" как духовное выражение одной из сторон родовой сущности человека. С одной стороны, человеческие индивидуумы подобны всем другим живым существам и как все они ограничены в возможностях проявления своей жизненной активности, конечны, смертны. С другой же стороны, человек, в отличие от всех других живых существ, — существо универсальное (неисчерпаемо многообразное, "бесконечное", "бессмертное") по своим задаткам, способностям и стремлениям к реализации себя в мире. Эта универсальная сущность человека и выражается, согласно

Фейербаху, в образе бога. То, что собственная "божественная" сущность человека отчуждается от него в образе внешнего ему абсолютного существа, Фейербах объяснял потребностью в хотя бы и иллюзорном разрешении противоречия двойственной "бесконечно-конечной" природы человека в социальных условиях, не позволяющих адекватно его разрешить, реализуя свои универсальные задатки и стремления в действительной земной жизни.

Маркс развил Фейербаховскую антропологию в важных моментах. Он обосновал идею, что источником универсальной сущности человека является особый — орудийно-преобразовательный — способ жизнедеятельности ("способ производства"), изначально предполагающий коллективный ("общественный") образ жизни людей. Предметно-преобразовательное отношение людей к природе в процессе воспроизводства своей жизни имеет следствием то, "что сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом". (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.27.) Вместе с тем, предметные "отложения", являющиеся продуктом орудийно-преобразовательной деятельности людей, видоизменяют и объективные структуры их жизнедеятельности, т.е. условия их собственной жизни. Благодаря происходящему обогащению коллективных структур жизнедеятельности, потенциально неисчерпаемое многообразие потребностей и, соответственно, деятельных способностей и устремлений человека переходит в план исторической актуализации. Каждая данная ступень исторического процесса, конечно, есть конкретная и потому ограниченная степень актуализации деятельных сил человека, но потенциально человеческая природа вновь и вновь содержит потребность в выходе за пределы данного ограничения. Следовательно, в способе жизнедеятельности заключается источник глубокой взаимосвязи между универсальной родовой сущностью человека и объективными структурами коллективности.

Универсальная родовая сущность человека актуально наличествует в истории, потому что формы коллективности в принципе свободны от временных ограничений индивидуальной человеческой жизни. Но вместе с тем, индивидуальные человеческие существа являются носителями универсальных качеств не, так сказать, задним числом, после включения в конкретно-исторические формы коллективности, а таковы изначально, по рождению, по самой по себе принадлежности к человеческому роду как известному эволюционному

виду живых существ. Ибо самой телесной организацией человеческих индивидов обусловлено вполне определенное "отношение их к остальной природе". (Там же. С.25.) Обладая непосредственной жизненностью, индивидуальные человеческие существа своей деятельностью сообщают жизненность, "оживляют", субъективируют объективные структуры коллективности.

Но и логика развития объективных структур коллективности подчиняет себе индивидуально-человеческое начало. До тех пор, пока люди не устранят противоположность классовых интересов и не поставят под свой совместный контроль в интересах всех и каждого развитие объективных структур, будет возникать и воспроизводиться феномен отчуждения этих структур от потребностей универсального проявления деятельных сил человека. В этом ключе Маркс раскрыл, развивая фейербаховскую позицию, социальные механизмы отчуждения родовой сущности человека, в том числе в идеальной форме: в религиозном образе абсолютного существа - Бога. С этой точки зрения церковь, как институт, воспроизводящий религиозную форму сознания, будучи интегрированной в систему государственных институтов в классовом обществе, выполняет и дословно функцию защиты интересов господствующих классов.

Тем не менее человеческая история есть история преодоления людьми последствий отчуждения их универсальной родовой сущности, создания более богатых и разнообразных условий ее самореализации. Таким образом, взаимосвязь индивидуально-человеческого (личностного) и коллективного начал в "обществе" предстает как их необходимая внутренне противоречивая взаимодополнительная связь, без которой невозможна ни сама история, ни ее понимание.

Ставя в кавычки слово "общество", мы этим напоминаем, что речь здесь идет о концепте, вошедшем с прошлого века в эпистемологический базис исследований человеческого бытия, его коллективных форм. Если теперь соотнести раскрытое выше содержание этого концепта с подразумеваемым его значением в дискуссии о "социальной" или "биологической" сущности этноса, то, — по крайней мере, это справедливо по отношению к теории К.Маркса, к которой как раз и апеллировали по соответствующему поводу авторы, занимающие противоположные позиции, — станет понятным, что теоретический контекст дискуссии не был достаточно полон. Факт стадийно-формационной прерывности общественного развития в противополож-

ность наблюдаемой зачастую непрерывности этнического существования на протяжении ряда общественных формаций, не является достаточным аргументом для отнесения этноса к разряду биологических форм коллективности. Но, разумеется, недостаточно также, отстаивая тезис о социальной сущности этноса, провозгласить, как в свое время Ю.В.Бромлей, указанное обстоятельство не относящимся к делу. Стадиально-формационная непрерывность общественного развития — свойство объективных структур коллективности. Потенциальная универсальность человеческих существ обеспечивает историческую непрерывность тех субъективируемых форм коллективности, которые существенно значимы для воспроизводства человека как родового существа. Конкретные варианты реализации этой потенциальной возможности применительно к каждому данному типу коллективности и каждому данному ее "экземпляру" зависят, конечно, от конкретно-исторических, природно-географических и иных эмпирических условий.

Утверждение, что этнос — это биологическая форма коллективности, означает сведение "социального" исключительно к объективным структурам коллективности, представляемым лишь как внешнее, случайное оформление биологической сущности. Но из биологической сущности, как уже отмечалось, невыводима именно способность преемственного на протяжении ряда социальных формаций воспроизводства этнической идентичности (посредством этнического самосознания). И напротив: содержание концепта "общество", предполагающее взаимодополнительность родового индивидуально-человеческого и предметно воплощенного коллективного начал, имеет достаточный эвристический потенциал для объяснения этой "исторически-надисторической" природы этноса.

Но переходя от решения задачи экспликации содержания концепта "общество" к его использованию в теории этноса, мы вынуждены заполнять теоретический пробел в главном пункте: в формулировании специфического определения сущности этноса.

Известные "признаковые" определения этноса, продолжавшие очень давнюю традицию определения понятий "народ", "нация" посредством набора тех или иных вариантов из ряда: брачная эндогамия, общность экономической жизни, территории, государственности, языка, культуры (или часто говорят — "особенностей культуры"), самосознания и др., очевидно, являются полезными в качестве операционально-эмпирических, позволяющих выделять этнические общно-

сти в конкретно-исторической реальности, сравнивать их между собой, классифицировать и т.п. Однако беда в том, что, как показывает познавательный опыт, бесконечные споры в литературе о "правильных" их комбинациях малопродуктивны из-за нерешенности вопроса о специфической сущности этноса, эмпирически обнаруживаемых признаках которой и являются называемые обычно характеристики этноса.

Попытки найти строгое определение этноса путем перебора вариантов самих по себе этих признаков породили тенденцию образования т.н. "уподобляющей", а не обобщающей абстракции. (См.: Израитель В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975. С.33.) Ищут такой признак, который обязательно присутствует у всех этнических общностей, и такой, чтобы с его помощью можно было отличать их (общности) друг от друга. Допустим, речь идет об общности экономической жизни. Оказывается, что этот признак будто бы не является обязательным, так как имеется не у всех общностей, которые по ряду параметров можно отнести к этническим. И такая операция осуществляется по отношению ко всем возможным признакам. В конце концов, дело доходит до того, что то, что возможно зафиксировать, относится будто бы исключительно к сфере самосознания. Но ведь самосознание обладает содержанием, по поводу различных аспектов которого также необходимо было бы применять описываемый способ рассуждений. Такое движение в поиске строгого определения - это, конечно же, путь в никуда, или к чему-то таинственно неуловимому.

Очевидно, что необходима иная познавательная ориентация. Обобщающее определение должно, по всей вероятности, исходить из того, что эмпирически существующее разнообразие этнических общностей, характеризующееся различными вариантами "набора" тех или иных признаков, потому и возможно, что существует и некая "основная" форма (вид), в которой наличествует совокупность всех известных признаков. Эта "основная" форма претерпевает различные модификации в ходе исторического процесса, результатом чего и является эмпирическое разнообразие этнических форм. Однако это уже именно эмпирия процесса, а не сущность этнической общности.

Образ "общества", представляемый как синтез социологического и антропологического измерений, открывает возможность зафиксировать специфическую сущность этой "основной" формы этноса через понимание ее особой значимости, особой роли в воспроизводстве человека как родового существа. "Выделенность" этноса среди

всех структур человеческой коллективности в том и заключается, что именно в рамках этноса (и/или посредством их) воспроизводится вся совокупность исторически выработанных в конкретных условиях места и времени средств и способов удовлетворения всей совокупности потребностей человека как целостного индивидуально-родового, универсального по своим зататкам, способностям и устремлениям существа.

Уместно отметить, что русский этнос постольку, поскольку он обладает всем известным набором признаков этнической общности, относится к той группе этносов, в которой особенно полно в эмпирическом плане явлена специфическая сущность этноса. То есть русский этнос представляет вариант "основной" формы существования этнической общности.

Этнические общности, у которых в силу обстоятельств оказались либо утраченными, либо исторически несформированными те или иные компоненты — признаки, присущие этносам, относящимся к "основной" форме, через взаимодействие с последними имеют возможность восполнять, компенсировать отсутствие этих компонентов, необходимых для воспроизводства человека как индивидуально-родового существа.

Становление русского этноса, сопряженное с распространением по территории исторически складывавшихся Руси-России в основном было благоприятным с указанной точки зрения для этнических общностей, как бы включавшихся во "внутреннее тело" русского этноса (русский этнос как "вмещающий"). Происходило своего рода сращивание этнических общностей, которое, очевидно, имеет капитальное значение не только для "вмещаемых", но и для "вмещающего" этноса.

Из сказанного выше можно сделать следующий общий вывод: экспликацией концепта "общество" применительно к "основной" форме этноса является теоретическая модель внутренней структуры, в которой центральное положение занимает план взаимоотношений "индивидуально-человеческое — этноколлективное начала", генерирующий, с одной стороны, динамику объективных структур коллективности их базисно-надстроечных детерминаций (координаций и субординаций различных сфер образа жизни этноса), а с другой — содержащий внутри себя как свой подчиненный момент план взаимоотношений этих объективных структур с биологическими факторами и источниками этнического существования, т.е. план взаимоотношений "социально-биологическое" в том смысле, в каком он подразумевается в дискуссии об этносе.

Компоненты этноса, обычно фиксируемые как его признаки, подчиняются соответственно своему характеру представленной в этой теоретической модели системе базисно-надстроечных детерминаций и социально-биологических взаимоотношений.

в) Ограничения, налагаемые позитивистской установкой на понимание этноса как культуры

Однако несложно заметить, что такие из обычно называемых признаков этноса, как общность языка и культуры ("особенностей культур") не являются признаками, относящимися к определенным сферам образа жизни этноса. Так, нельзя сказать, что язык и культура относятся либо к "базису", либо к "надстройке", или к какой-то особой сфере внутри того или другой. И хотя имеются "по-сферные" субязыковые и субкультурные различия, все же это различия в единых языке и культуре этнической общности.

Факт, не всегда осознаваемый в его фундаментальности, заключается в том, что язык, являясь наиболее естественным, или, говоря несколько парадоксально, наиболее непосредственным средством общения между людьми, существует вообще не иначе, чем как этнический (национальный) язык. И если учесть, что язык вместе с тем является, так сказать, "родным домом духа", а культура есть духовная организация (т.е. регулирование высшими, мировоззренческими ценностями) индивидуальной и коллективной жизни людей, то становится понятным, что в господствовавших ранее в познании исторического процесса теоретических концептах "народ" ("нация"), "культура" (в смысле "культуры"), "дух народа" ("дух нации") заключалась бессознательная интуиция фундаментальной значимости этноса в воспроизводстве человека как, мы бы сказали, родового существа.

То, что - при всех, в том числе отмеченных выше, теоретических достижениях - переориентация, связанная с введением в основания познания исторического процесса концепта "общество", все же не привела к дискурсу уже прежде существовавшего интуитивного представления о специфической сущности этноса, хотя для этого, казалось бы, были созданы достаточные эвристические предпосылки, может, конечно, объясняться многими причинами. Прежде всего, вероятно, тем, что усилия были направлены на решение более актуальных в тот исторический период задач. Так, в творчестве К.Маркса на первый план вышли исследования экономических процессов и классовых противоречий.

И все же причины, надо думать, не только в том, что до решения названной задачи просто не дошли руки. Одной из важнейших причин было, на наш взгляд, собственно гносеологическое ограничение, налагаемое влиянием п о з и т и в и с т с к и х установок и на область исследований человеческой истории; влияния, распространявшемся вместе с введением в основания познания истории концепта "общество". О.Конт - классик позитивистской социологии. Но влияния позитивизма, причем в заглавном для самоутверждения контовской социологии пункте в отношении к религии, не избежал и К.Маркс.

Поскольку философская антропология К.Маркса раскрывает универсальность человека, постольку она тем самым предполагает и относящийся к области предельных онтологических оснований план бесконечности, незавершимости интенций человеческого бытийствования, а значит и самого бытия. Однако его же представлениями о религии, как исключительно иллюзорно-идеологической форме познания, напрочь изживаемой в ходе и перспективе исторического процесса, устраняется как нечто просто "пустое" то, опирающееся на предельные онтологические основания мировоззренческое содержание религии, которое само по себе, вне философского контекста, не может быть предметом "позитивного" научного знания, а следовательно, и не может быть им замещено.

В осуществленной Ф.Энгельсом гносеологической рецепции смысла учения Маркса особенно отчетливо выявилось влияние позитивизма на это учение. Трактовка процесса достижения абсолютной истины (под которой, разумеется пусть и в горизонте бесконечности, но все же и с ч е р п ы в а е м а я полнота знания о мире) как слагаемого относительных истин, заключенных в научных знаниях, есть вариант позитивистской плоско-кумулятивистской гносеологии и философии науки, неадекватность которых к настоящему времени стала очевидной.

Каждый последующий этап развития научного познания совсем не обязательно включает предшествующие теории и знания как частные случаи новых. Те или иные из них могут вообще оказываться за пределами новых научных теорий и знаний. И научная ситуация в этом отношении всегда содержит в себе момент непредсказуемости будущей участи существующих научных результатов. Это, по всей вероятности, не значит, что вообще нет кумуляции научных знаний. Более того, установка на получение накапливающихся научных зна-



ний и ныне остается идеалом научной деятельности, без которого ее вообще невозможно было бы осуществлять. Но стало очевидным и то, что процесс аккумуляции научных знаний имеет в каждый данный момент проблематичную конфигурацию.

Представляется, что источник этой проблематичности заключается в принципиальной проблематичности тех регулирующих, в том числе и познающих, мировоззренческих содержаний религиозных и атеистических убеждений, которые относятся к области предельных онтологических оснований.

Бесспорно, что в классовом обществе действует тенденция интеграции церкви в систему институтов государства, обеспечивающих интересы господствующих классов. И соответственно этой тенденции воспроизводимая церковью религиозная форма сознания приобретает иллюзорную форму и идеологическую функцию. Однако объяснение религии как выражения отчужденной от человека его собственной родовой сущности не исключает необходимость отличия мировоззренческого содержания религиозного сознания от его отчужденной, иллюзорно-идеологической формы. При этом из философской антропологии Фейербаха-Маркса не должна была бы следовать однозначная квалификация предполагаемого религией представления об абсолютном существе, благодатно порождающем естественный мир и гарантирующем благой исход индивидуальной и родовой судьбы человека в мировом бытии, как относящегося к иллюзорной форме, а не к идеальному выражению содержания родовой сущности человека. Ведь объяснение универсальной сущности человека, как порожденной особым — предметно-преобразовательным — способом жизнедеятельности, не может исключать вероятность того, что основание бытия — некое благое начало, изнутри пронизывающее и поддерживающее прогресс формообразований мирового бытия, среди которых свое особое место занимает человеческая ступень ("социальная форма движения материи"). Ибо смысл религиозных убеждений заключается не столько в том, что бог — "внешнее" человеку абсолютное существо, сколько в том, что "божественное" из глубин бытия "врождено" человеку, внутренне присуще ему как его "душа".

С философско-антропологической позиции этический смысл категории блага — убеждения в обязательно грядущем вселенском торжестве добра — может быть прояснен как манифестация всеобщей не-

истребимой (потому что сущностной) потребности в полном и свободном самоосуществлении природы человека: каждого индивидуального человеческого существа и всего рода человеческого. В этом контексте особенность религиозного мировоззрения – коль скоро оно исходит из представления о провиденциальной гарантированности благого исхода человеческой судьбы – состоит, очевидно, в том, что оно опирается на онтологическое допущение о первичности, а тем самым, в конечном счете, и о господстве в мировом бытии "порядка", "космоса". И, напротив, особенность атеистического мировоззрения – коль скоро в нем убежденность в грядущем торжестве добра исходит из надежд лишь на собственные усилия человека и человеческого рода, не имеющие провиденциальных гарантий успешности, – предполагается допущение о первичности "беспорядка", "хаоса", постоянно угрожающего относительной благоустроенности мирового бытия.

Эти противоположные онтологические допущения, конституирующие религиозное и атеистическое мировоззрения, относятся к области предельных онтологических оснований, любые утверждения по поводу которых не могут не быть принципиально проблематичными. Поскольку же выбор религии или атеизма все же постоянно совершается людьми, то, беремся утверждать, в познавательном процессе как таковом он не имеет идеологического характера. Сознательным или бессознательным мотивом этого выбора является предпочтение того или другого онтологического допущения как представляющегося – в контексте определенной эпохи, ее познавательной ситуации, конкретного места и времени и сугубо индивидуально-личностных склонностей – более эвристичным. Так, автор данной работы считает, что современная социальная и познавательная ситуация свидетельствует о большей эвристичности онтологического допущения о первичности хаоса, а не космоса, в мировом бытии; о постоянной, а ныне особенно опасной угрозе хаоса относительной благоустроенности бытия. Что, соответственно, ориентирует на необходимость приложения чрезвычайных человеческих усилий, преодолевающих вторжения хаоса в естественный и социальный мир. Однако обязательным условием эвристичности выбора как того, как и другого онтологического допущения является напряженно-диалогическое (дискуссионное), притом незавершимое в каком-либо конечном акте или цикле познания, отношение к противоположному допущению.

г) Религиозное и атеистическое двуединство мировоззрения

Выдвинем теперь может быть довольно необычное утверждение: речь, собственно, должна была бы идти не о двух противоположных мировоззрениях, разделенных между различными группами или разделяющих людей на различные группы, приверженные религии или атеизму, а о едином, внутренне напряженно-диалогическом мировоззрении, проходящем как единое, если не всегда через слои сознания, имеющие дело с дискурсивно артикулированными образами мира, то через сердце к а ж д о г о человека.

Конечно, видимость не такова. В обществе есть верующие и неверующие. Известно также, что разделение на верующих и неверующих происходит порой по признаку принадлежности к некоторым политическим партиям. Например, революционные партии в эпохи буржуазных и социалистических революций нередко выступают как атеистические, а контрреволюционные — как религиозные. В истории человеческой мысли также известно разделение на религиозных мыслителей и философов-атеистов и т.п.

Однако показательно, что в разделении людей по их приверженности религии или атеизму не обнаруживается существенной зависимости от их принадлежности к таким групповым структурам общества (нации, этноса), как социальные классы, профессиональные группы и др. Не указывает ли это на то, что разделение на верующих и атеистов определяется не социально-структурными факторами, объективными детерминациями, а индивидуальными человеческими склонностями в эмпирических обстоятельствах каждой особой человеческой судьбы?

Поскольку все же какие-то корреляции между приверженностью религии или атеизму, с одной стороны, и принадлежностью к различным социальным группам в условиях того или иного общества, на том или ином этапе его истории обнаруживаются, то не объясняется ли это поверхностным (вторичным) влиянием позиции и организационно-пропагандистской деятельности политических партий, выражающих определенные классовые интересы в форме и д е л о г и и? Вглядываясь в перипетии событий революционных эпох легко заметить, что решающим фактором выступления тех или иных партий под знаменами атеизма или религии является борьба по вопросу о роли церкви как одного из институтов государства, выполняющих классово-идеологическую функцию, а не какие-либо иные мотивы.

В частности, и в творчестве мыслителей, разделяящем их на при-

верженцев религии или атеизма, мы можем видеть влияния и д е - о л о г и ч е с к о й позиции, в различных пропорциях сочетаемые с выбором, определяющимися собственно мировоззренческими предпочтениями. Чем в большей степени мыслитель оказывается вовлеченным в политическую борьбу, тем в большей степени его атеистические или религиозные взгляды идеологизированы. Очевидно, что и атеизм Маркса помимо того, что он являлся результатом собственно мировоззренческого выбора, есть также и следствие идеологизирования. В том самом нарицательном смысле слова "идеология" (идеология как и л л ю з о р н а я форма сознания), который сам Маркс сделал обиходным в философии и политике. Идеологизированность проявилась как раз в представлении о будто бы неизбежном в будущем отмирании религии. Но при всем несогласии с Марксом по вопросу об отношении к религии, следует подчеркнуть, что его идеологизация никогда не выходит за те пределы, где атеизм становится инструментом политической борьбы, оправдывающим насильственное "искоренение" религии. Напротив, он отвергал такую политику как антидемократическую, и античеловеческую. Его прогноз в этой сфере - это прогноз о спонтанном, естественном ходе событий.

И если тем не менее идеологически-теоретическая непримиримость с обеих сторон - и со стороны адептов религии, и со стороны адептов атеизма - оказывается так слита во многих случаях с политическими влияниями на общество, что могут наблюдаться корреляции этих приверженностей с социально-групповой и даже с национально-государственной принадлежностью людей, то это ли не симптом, по выражению Маркса, саморазорванности общества, его кризисного состояния, доходящего до глубинных оснований коллективного бытия? В современной действительности всю пагубность, неблагоприятность утверждения одной из форм мировоззрения за счет подавления другой, можно было эмпирически наблюдать на примере как теократических государств, в которых правящий режим опирается на религиозный фундаментализм, так и в государствах с официальной атеистической идеологией.

Все сказанное является подтверждением - в основном "от противного" - того, что "в норме" разделение на верующих и атеистов является лишь индивидуальной акцентированностью людей на сознательный или бессознательный выбор одного из двух возможных онтологических допущений; выбор, не исключающий, а, пусть и в напря-

женном диалоге, предполагающий необходимость и другого допущения. Да и в самом деле, разве каждый из нас, и религиозных людей, и атеистов, заглянув в глубину себя, не почувствует, что потребность в этом взаимном дополнении проходит через каждое сердце? Мы утверждаемся в нашей вере — религиозной или атеистической — лишь вновь и вновь проходя через искушение сомнений, то есть через испытание противоположной позицией. И без этих сомнений наша вера, вероятно, не имела бы плодотворного смысла.

Это содержание нашего самонаблюдения имеет филогенетические и глубокие культурно-исторические корни. В первобытных космогонических мифах в таком синкретическом единстве находятся сюжеты творения мира демиургом и его спонтанного происхождения из хаоса, что просто невозможно вычленить тот из сюжетов, который можно было бы назвать первичным или доминирующим. Причем еще в глубокой древности такое двуединство существовало не только в виде бессознательно-синкретического содержания мировоззрения, но и осознавалось именно как принципиально проблематичное. Например, в одном из космогонических мифов Ригведы эта проблематичность передается в следующем вопросе:

"Кто поистине знает, кто теперь бы поведал,  
Откуда возникло это мирозданье?  
Боги /появились/ после сотворения его.  
/Но/ кто же знает, из чего оно возникло?  
Из чего возникло это мирозданье, создал ли  
/Кто его/ или нет?  
Кто видел это на высшем небе,  
Тот поистине знает. /А/ если не знает?"

Некоторые интерпретаторы мифологий считают, что демиургические сюжеты в древних космогониях это лишь не имеющие своего особенного содержания субъективные символические иносказания той же версии о спонтанном возникновении мироустройства. Считается, что по мере разложения синкретического мифологического мировоззрения в процессе становления рационального философского знания происходит высвобождение идеи спонтанного происхождения мироустройства из-под субъективно-символической формы сюжетов о демиурге, которые, в свою очередь, "утилизируются" собственно религиозной формой сознания. Безусловно, становление философии происходит путем деперсонализации содержания космогонических сюжетов. Но что касается сюжетов о демиурге мироздания, то в них филосо-

фия из-под субъективной формы высвобождает не то же самое, что уже представлено в версии о спонтанном происхождении благоустроенного мира из хаоса. Высвобождается из сюжетов о демиурге идея об объективной первичности и господстве в мире "порядка", "космоса". Иначе говоря, идет ли речь о различении религии и атеизма или о различении их рационализированных коррелятов — философий, противоположным образом решающих свой т.н. "основной вопрос", в любом случае в основаниях различений лежат противоположные онтологические допущения: о первичности в бытии либо "космоса", либо "хаоса". И только взаимодополнительность этих допущений, удерживаемая их принципиальной проблематичностью, позволяет самоосуществляться каждой из этих разновидностей мировоззрения.

С возникновением классового строя одна из двух противоположных форм единого мировоззрения — религиозная форма сознания, благодаря приданию ей государством идеологической функции защиты сложившегося социального "порядка" (что, конечно, было возможно вследствие акцентированности именно религии на соответствующем онтологическом допущении), оказалась в привилегированном положении официально санкционируемого государством института. Атеизм, напротив, оказался в положении официально подавляемой формы сознания или, в лучшем случае, в положении института, лишь несанкционируемого государством в качестве воспроизводящего данную форму мировоззрения как форму массового (народного) сознания.

Такое различное положение социальных институтов религии и атеизма вносило в их взаимоотношения конфликтность, порождало социально-психологическую атмосферу, в которой идеологами утверждалась иллюзия абсолютно враждебной друг другу обособленности этих форм сознания. Пленниками этой иллюзии являлись и во многом остаются до сих пор и исследователи-обществоведы, культурологи.

Однако в действительности в глубинах народного бытия сохранялись отношения взаимопредполагания двух этих форм сознания. И это так или иначе не могло не учитываться церковью. В ставшей сравнительно недавно широко известной, новаторской для культурологии, работе М.М.Бахтина "Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса" (опубликована в 1965 г.) было показано, что даже в эпохи, казалось бы, безраздельного идеологического господства религии ее институционально-культурные формы были сопряжены с как бы "теневыми" формами производства ее "зеркаль-

ной противоположности" – атеизма ("материализма"). Речь идет о карнавальной ("смеховой") культуре, в которой "проигрываются" ритуалы, символический смысл которых состоит в утверждении картины мира, в основании которой лежит допущение об изначальности не космоса, как в религии, а именно хаоса.

Органичность сопряжения церковного и карнавального способов воспроизводства мировоззренческого содержания сознания видна из того, что они входили в единый празднично-календарный цикл. Неофициальный карнавальный ритуал представлял(и представляет) собой обретенный, "перевернутый" вариант официального религиозного ритуала. Церковь хотя и не одобряла официально карнавальные празднества, а порой каким-то образом притесняла их, но все-таки в основном молчаливо признавала их правомерность. Само собой разумеется, что участниками церковных церемоний и карнавальных празднеств были в подавляющей части одни и те же люди.

Бахтин специально отмечает преемственность мировоззрения западноевропейского средневековья и Ренессанса, воспроизводимого в двуединой церковно-карнавальной культуре, с мировоззренческим содержанием архаических (языческих) верований и первобытно-мифологического сознания.

К сожалению, поднятая Бахтиным тема остается слабоисработанной. На русском материале она поднималась пока, кажется, едва ли не единственной работе: Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понирко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. Приводимый в книге культурологический материал (особенно святочных и масленичных празднеств) и некоторые выводы из анализа этого материала свидетельствуют о том, что основные положения концепции Бахтина действительно и для русской культуры. Правда, в книге Лихачева, Панченко и Понирко не решается задача специального выявления своеобразия русской культуры с этой точки зрения, что было бы важно для нас. Но можно, пожалуй, заключить при сопоставлении приводимого авторами материала и сделанных ими выводов с западноевропейским материалом, проанализированным Бахтиным, что в русской культуре менее конфликтно выражена полярность православно-религиозной и "материалистической" форм мировоззрения, соответственно – официально-церковной и неофициально-народной праздничности. В русской культуре взаимоотношения этих полюсов, может быть более опосредованы идущей из древнейших периодов традицией амбивалентных "культурных героев". В данном случае име-

ется в виду прежде всего "святое скоморошество" юродивых. Вообще, в русской культуре, по всем приметам, более отчетливо выступает культурно-историческая преемственность мировоззрения государственного периода с архаическим языческим мировоззрением.

После сказанного понятно, что отведя религии лишь роль идеологии, как это фактически вышло у К.Маркса, мы тем самым исключили бы из сферы внимания не только религиозную форму мировоззрения, но и мировоззренческое содержание сознания в его целокупной "религиозной-атеистической" двойственности и в исторически прочных институциональных формах. Ведь парадокс заключается в том, что благодаря выполнению идеологической функции, обеспечившей церкви место среди государственных или поддерживаемых государством институтов, она имела и наиболее благоприятные условия для хранения и передачи во времени собственной мировоззренческой традиции, но вместе с тем, вследствие охарактеризованной взаимозависимости официально-церковной и народно-карнавальная культур, создавалось поле возможностей и для неофициально-институционального воспроизводства противоположной - атеистической - формы мировоззрения.

д) Мировоззрение как содержание этнического самосознания, организующего этническую культуру

Если религии отводится роль только идеологии, естественно, что она должна представляться не более значащим фактором, чем одно из надстроечных образований наряду с другими. И даже точнее: поскольку функции религии сводятся к идеологической роли, т.е. к непосредственному обеспечению функционирования политической структуры, в свою очередь также непосредственно детерминруемой базисными экономическими отношениями, то выходит, что содержание религиозного сознания, само существование религии, должны будто бы очень жестко подчиняться динамике экономических отношений, претерпевать качественные изменения след в след за качественными изменениями структуры экономических отношений. И наоборот: религиозное сознание, если сводить его к идеологии, имеет среди надстроечных образований самую минимальную меру возможностей обратного влияния на базис, а следовательно, и на состояние общества в целом.

Решение вопроса о роли религии в обществе было и остается самым уязвимым местом социологии исторического материализма. В предметной области собственно социологии особенной аргументи-



рованностью отличаются прямо противопоставляемые трактовке религии как надстройки над системой экономических отношений выводы исследований М.Вебера. На материале становления западноевропейского капитализма он во многом убедительно показал, что возникновение системы капиталистических отношений определялось "духом капитализма", заключенным в протестантской этике, воспитывающей такие черты личности как расчетливость, бережливость, деловая честность, трудолюбие. Вебер не отрицал, что экономические отношения имеют и самостоятельную логику развития, но он обращал внимание на то, что складывание материальных предпосылок в целостную систему капиталистической экономики преформировалось распространением среди определенных групп населения религиозно-протестантских норм поведения.

Однако предпочитавшаяся Вебером феноменологическая методология оправдывала его отказ от попытки причинного объяснения описанного им характера действия и значения факторов становления капиталистического общества как целого (несмотря на то, что сама по себе эта целостность не была для него фикцией).

Еще важнее для нас учесть опыт русской философии, взлет которой в период нарастания кризиса общественного строя России в начале нашего века произошел в религиозной форме. Особенно поучителен приобретенный в условиях кризиса и революций теоретический опыт С.Н.Булгакова, Н.А.Бердяева, П.Б.Струве и др., перешедших с первоначально занятой ими позиции социологии исторического материализма на позиции религиозной философии. Именно несогласие, так сказать, изнутри марксизма с таким решением вопроса о религии, при котором она предстает как исключительно идеологическая форма сознания, стало главным среди теоретических импульсов, определивших этот переход.

Пережив события революции 1905 г., эти философы предупреждали революционную интеллигенцию, что руководствуясь отношением к церкви как к исключительно реакционно-охранительному институту, а к религии как к чуждому "позитивной науке" сознанию, она берет на себя ответственность за возможность доведения классовых противоборств до степени накала, угрожающей самому русскому национальному существованию. Ибо такое отношение к церкви и религии, пропагандируемое в народе, совершающем революцию, влечет за собой разрыв с уходящей в истоки национального бытия мировоззренческой традицией, а социальные идеалы, не опирающиеся на национально-мировоззренческую традицию, могут легко превратиться в

свою противоположность путем подмены цели средствами или оправдания целью любых средств их достижения.

Во многом это предвидение последствий враждебного отношения к церкви и религии оправдалось в политической революции 1917 г. и в последующие революционные десятилетия, сопровождавшиеся неоправданными гонениями на церковь и репрессиями против священнослужителей, в становлении государственной формы социализма с ее официально-атеистической идеологией (противоречащей принципу свободы совести) и др. Наконец, нельзя не предположить, что нынешний кризис в стране и кризисное состояние русского этноса не имели бы столь всеохватывающего характера, если бы это не было подготовлено девальвацией в глазах значительных масс людей социальных (социалистических) идеалов. Не явный ли это знак того, что не были обеспечены условия для прочного установления социальных идеалов на национально-мировоззренческих основаниях?

Как видно, русские религиозные философы выразили ту же, что и М. Вебер, идею преформирующей роли религиозного мировоззрения. Но кроме того их позиция получила подтверждение не просто на уже наличном эмпирическом материале, но и в эмпирически-прогностическом ключе. Это свидетельствует о том, что ими был поставлен в центр внимания еще более существенный аспект проблемы. И этот аспект — рассмотрение преформирующей роли религии в органической связи с национально-мировоззренческой традицией, взятой в ее истоках и в многовековой историко-культурной протяженности.

Примечательно, что иногда в творчестве названных русских религиозных философов встречаются мотивы, в которых, может быть, не очень явно, но все же присутствуют представления о взаимопредполагании в содержании мировоззрения религиозных и атеистических убеждений. Например, С.Н. Булгаков, рассуждая в статье, помещенной в знаменитом сборнике "Вехи" (1909 г.), об атеизме революционной интеллигенции, для которого характерно сугубо отрицательное отношение к религии, замечает, что в действительности это приводит не к исключению религии, а лишь к ее искаженному преломлению в самом атеизме. "Отбрасывая христианство и устанавливаемые им нормы жизни, — пишет Булгаков, — вместе с атеизмом или, лучше сказать, вместо атеизма наша интеллигенция воспринимает догматы религии чело-

векобоя, в каком-либо из вариантов, выработанных западноевропейским просветительством (и притом еще в упрощенной азбучной форме)". (Веж. Интеллигенция в России. 1909-1910. М., 1991. С.54.) Этот же мотив взаимопредполагания религии и атеизма присутствует и в его прогностическом предостережении: "Ошибочно думает интеллигенция, чтобы русское просвещение и русская культура могли быть построены на атеизме как духовном основании, с полным пренебрежением культуры личности и с заменой всего этого простым сообщением знаний". (Там же. С.79.)

Однако в целом для творчества названных философов, как и для всей русской религиозно-философской мысли, внесшей главный вклад в уяснение мировоззренческого содержания русского национального самосознания - "русской идеи", типична, в противоположность антирелигиозной настроенности революционной интеллигенции, в свою очередь, тенденция враждебной направленности против атеистических убеждений, "отбрасывание" атеизма за пределы национально значимого содержания мировоззрения. В этом обстоятельстве проявилось, конечно, довлениe идеологической формы над мировоззренческим содержанием и в русском религиозно-философском движении. Что, конечно, явилось помехой тому, чтобы революционная интеллигенция могла услышать провидческие предостережения представителей религиозно-философского движения. В совокупности же все это означало, что в ожесточении классового противоборства есть взнос и этого движения, поскольку оно способствовало возобладанию в классовом противоборстве идеологических мотиваций политических действий, предопределивших такой ход событий, трагические отголоски которых различимы в нынешнем национальном кризисе.

В работах представителей русской религиозной философии, вообще в историографии "русской идеи", развитие нации, подобно тому, как и развитие "общества" в концепции М.Вебера, определяется как бы параллельно действующими факторами. С одной стороны, религией с ее преформирующей ролью, а с другой - материальными (в том числе институциональными) факторами: экономическими, классово-сословными, государственными и др. Специфически русская определенность мировоззренческого содержания национального самосознания предстает как результат взаимопроникновения ценностных доминант православного христианства и норм общественного и государственного быта, обусловленных особенностями русской истории, географической среды, расселения в ней, геополитического положе-

ния. На разных этапах, в разных направлениях историографии "русской идеи" на первый план выдвигается значение разных факторов русского национального развития. Но во всей историографии "русской идеи" также не удается найти постановки проблемы причинного объяснения исходного единства двух отмеченных сторон взаимодействия, присущих им — как сторонам единства — особенностей воздействия на развитие нации как целостной общности. То есть в этом отношении историография "русской идеи" также феноменологична.

Единство детерминирующих воздействий на формы организации человеческой жизни материальных факторов и преформирующей роли идеального мировоззренческого содержания изначально заключается именно в специфически человеческом — предметно-преобразовательном способе жизнедеятельности.

В процессе удовлетворения витальных потребностей людей особенности предметных средств и способов (технологий) задают объективные особенности коллективных структур и образуют основания базисно-надстроечных детерминаций. Но вместе с тем, проистекающая из предметно-преобразовательного способа жизнедеятельности интенция к всесторонней, универсальной самореализации человека в мире полагает соответствующее ей идеальное содержание сознания, опосредствующее актуализации этой интенции. Конечно, прочное, коллективно значимое полагание этого идеального (мировоззренческого) содержания возможно опять-таки непременно в предметно-институциональных формах.

Все это следует, как понятно из смысла исходной синтетической — антропологической и социологической одновременно — философии исторического материализма. Только влияние позитивистской установки и идеологическая вовлеченность К.Маркса в классовую борьбу не позволили ему разглядеть, что религиозная форма сознания, воспроизводимая институтом церкви (вновь уточним после проведенного анализа: религия и церковь в напряженном, но взаимопредполагающем единстве с атеистическим сознанием и неофициально-институциональными формами его воспроизводства) и выполняет (выполняют) как раз функцию идеального опосредования интенции самореализации человека как универсального существа.

И далее. Позитивистски абсолютизированная акцентированность Маркса на объективирующем значении концепта "общество" (общество — не объединение людей, а структура отношений между ними) во многом заслонила для него тот план коллективного существования, в

котором формы человеческой коллективности предстают именно как "объединения людей", как коллективные самосознающие субъекты исторического процесса. В этом плане Маркс не продвинулся дальше исследования диалектики субъективирования социально-классовых структур (известные теоретические сюжеты о превращении класса "в себя" в класс "для себя"). Но ведь классы, как показал сам основоположник исторического материализма, — это объединения, в которых объединяющиеся индивиды самореализуются лишь как "частичные" человеческие существа.

Самореализация человека как целостного родового существа совершается в рамках (и/или посредством) этнической формы коллективности. Следовательно, мировоззрение во всей его целостности и коллективной значимости возникает не иначе, чем в качестве содержания самосознания этноса, или — что является иной стороной того же самого — в качестве содержания самосознания индивидов, образующих этническую общность. Мировоззренческое содержание индивидуального самосознания — высшая духовно-психологическая инстанция, конституирующая индивида в качестве личности, а значит этническое самоопределение индивида есть глубинное основание его личностного самоопределения. Но и наоборот: этнос представляет собой своего рода "коллективную личность" — целостный самосознающий субъект жизнедеятельности. Как видим, и в сфере мировоззрения измерение "индивидуально-человеческое — этноколлективное" выступает как центральнообразующее.

В этногенезе полагание мировоззренческого содержания сознания в институциональных формах и в виде стереотипов поведения всегда происходит в особых условиях места и времени, модифицирующих определенным образом универсальный и вследствие своего потенциально неисчерпаемого богатства всегда оборачивающийся в наличной действительности какими-то особыми гранями смысла. Это особым образом артикулированное этногенезом мировоззренческое содержание сознания есть архетип этнического самосознания, представляющий ядро индивидуально-своеобразной самоидентичности каждого данного этноса и этнической идентичности индивидов, образующих данный этнос.

Прочным, исторически устойчивым способом воспроизводства архетипического мировоззренческого содержания этнического самосознания как содержания коллективного сознания является его институционализация (институты религиозной и атеистической формы со-

знания). Прочным, исторически устойчивым способом воспроизводства архетипического мировоззренческого содержания этнического самосознания как содержания индивидуального сознания является его укоренение в психологической структуре личности в виде стереотипов поведения. Содержание этнического самосознания, организованное вокруг мировоззренческого архетипа, в качестве коллективного сознания налагает соответствующий отпечаток этнического своеобразия на организацию и характер взаимосвязи всех внутриа этнических коллективных структур и сфер образа жизни. То же содержание в качестве индивидуального сознания и стереотипов поведения налагает отпечаток на способы деятельности этнофоров (этнически идентичных личностей) во всех коллективных структурах и сферах образа жизни этноса.

Этнос, взятый со стороны его организованности архетипом мировоззренческого содержания сознания, есть культурная общность, или отдельная целостная "культура" в том смысле, в каком от этого слова может быть образовано множественное число - (этнические) "культуры". Этнос, взятый со стороны объективно-структурной организованности и базисно-надстроечной детерминированности, социальная общность в том смысле термина "социальный", который подразумевается в словосочетаниях типа "социально-экономическое развитие". Язык в его этнической определенности - а все иные формы языка производны, вторичны - является самым выразительным эмпирическим референтом нераздельности "социального" и "культурного": объективной структурности, пронизанной смыслами, исходящими из мировоззренческого архетипа этнического самосознания.

Способ материального производства определяет тип объективных структур коллективности, базисно-надстроечные детерминации сфер образа жизни. Развитие способа производства приводит к качественным, стадияльно-формационным преобразованиям образа жизни этноса. Это развитие обновляет условия предметно-институциональной организации мировоззренческого содержания этнического самосознания, создает новые возможности обогащения этого содержания за счет актуализации его многообразных смыслов и т.д. Но исторически преемственная трансляция архетипического мировоззренческого содержания этнического самосознания является обязательной предпосылкой и преформирующим фактором прогрессивной динамики способа производства.

Такая роль мировоззренческого архетипа этнического самосознания заключена в его сути: быть призывом в горизонт бесконеч-

ности, отвечающим устремлениям человека как родового существа к полной самореализации своих универсальных деятельных сил на началах гармонии индивидуального и коллективного. Мировоззренческий архетип этнического самосознания – это как бы "ген вечности", в котором заложена способность этноса преодолевать переходящие ступени общественного развития, сохраняя самоидентичность. Эта способность особенно востребивается в переходные, кризисные периоды развития способа производства, всегда сопровождающиеся разрушительными процессами в базисных сферах образа жизни. В самом по себе "базисе", увлекаемом в такие периоды в бездну разрушения, неоткуда было бы взяться импульсам противодействия разрушению, импульсам подъема и прогресса образа жизни. Отсюда понятно, что осуществляемый в периоды кризисов политический выбор пути социально-экономического развития может быть эффективным только при условии его соответствия архетипическому мировоззренческому содержанию этнического самосознания. Понятно также, что социально-экономический кризис приобретает катастрофический характер тогда, когда он (в том числе и вследствие неадекватного выбора пути социально-экономического развития) провоцирует и усугубляет кризис (этнической) культуры, угрожающий разрывом преемственности ее мировоззренческого содержания с архетипическим мировоззренческим содержанием этнического самосознания.

- е) Проблема архетипических мировоззренческих максим русского этнического самосознания: актуальность в контексте современной ситуации

Признаки кризиса этнической культуры: разрушение институциональных форм воспроизводства мировоззренческого содержания сознания, ненормальности взаимоотношений между противоположными мировоззренческими формами сознания – религией и атеизмом, массовые явления утраты этнических стереотипов поведения, массовые явления расшатывания вообще этнической идентичности (феномен этнически маргинальной личности) и др. Но проблема в том, что наблюдаемые признаки кризиса этнической культуры (в частности, мы отмечаем, анализируя русскую ситуацию, что названные здесь чрезвычайно характерны для нынешнего состояния русской этничности) не дают сами по себе достаточного представления о действительной глубине такого рода кризиса. Его действительная, меньшая или большая, глубина, измеряемая в плане меры "сохранения-разрыва" преемственности данного состояния этнической культуры с ее архетипи-

часами мировоззренческим содержанием, может, конечно, ощущаться и так или иначе ощущается этнообраз, но никогда тем не менее не очевиден.

Дело здесь в том, что хотя архетипическое мировоззренческое содержание есть содержание этнического сознания, но именно тем обстоятельством, что это не просто сознание, а самосознание, предполагается необходимость — для дискурсивного представления его содержания — выхода на "позицию вне себя", т.е. необходимость специальной рефлексии. Другая сложность заключается в самой сути этого содержания — потенциально бесконечном многообразии его смысловых граней. Правда, это потенциально бесконечное многообразие смысловых граней определенным образом артикулировано в каждом данном конкретном этногенезе. Но опять-таки и эта определенная артикулированность заслоняется последующими историческими напластованиями смысловых оттенков, далеко не все из которых, вероятно, органичны архетипическому мировоззренческому содержанию. Коротко говоря, суть этого содержания и формы его проявления таковы, что его дискурс не может не быть принципиально проблематичным.

Тем не менее с указанными ограничениями этот дискурс, разумеется, возможен, а в канун и в течение кризиса образа жизни этноса потребность в нем становится настоящей. Драматизм нынешней русской ситуации состоит еще и в том, что кризис застал врасплох национально-общественную мысль, и ее рефлексия по поводу содержания русской мировоззренческой идентичности только-только разворачивается. Нынешние исследования в этом направлении, естественно, должны опираться на закрепленные в историографии "русской идеи" результаты предшествующего цикла русского самопознания, восстанавливая органичную преемственность с ним.

Историография "русской идеи" — при всех разночтениях и расхождениях в интерпретациях между разными авторами и идейными направлениями — сходится в выделении в качестве центральных двух архетипических мировоззренческих максимум русского этнического (национального) самосознания. Одна из них — принцип "соборности" — регулирует внутриэтническую организацию русского образа жизни, другая — максима "всемирной отзывчивости" (выражение Ф.М. Достоевского) — область межэтнических (межнациональных, межгосударственных) отношений.

В историографии "русской идеи" принцип "соборности", означающий свободное, не на формально-юридическом договоре, а на добро-



вольно-правственной основе достигаемое согласие отдельных людей, сословий, местных "обществ", охватывающее все уровни национального общежития вплоть до общегосударственного, в плане собственно мировоззренческом выводится главным образом из православного христианства, из христианской готовности к самоотречению, смирению. То же относится и к максиме "всемирной отзывчивости", состоящей в утверждении особой миссии русской нации: сказать миру слово, совершить деяния, ведущие к мировому человеческому всеединству, опосредующие и снимающие противостояние Востока и Запада ("русский мессианизм"). Здесь кроме того, естественно, акцентируется ценностный аспект христианства как религии, ведущей к всемирному единству "во Христе". Есть примеры попыток проследить с точки зрения задачи дискурса архетипического мировоззренческого содержания русского самосознания характер преемственности православного христианства с предшествовавшим ему русско-славянским язычеством. В частности, отмечается не только их различие, доходящее до несовместимости, но и некая внутренняя родственность, объясняющая, как представляется некоторым авторам, сравнительную легкость восприятия православия древнерусской народностью, последующее вступление православия в синтез с традиционно-языческими верованиями. Все это требует дополнительного осмысления с привлечением новейших научных данных и на современной научной основе.

Кроме того требуется осмыслить аспекты архетипического мировоззренческого содержания русского самосознания, которые, фактически, вообще были оставлены без внимания в историографии "русской идеи", но которые, вполне вероятно, являются результатом вклада иных религиозных конфессий, имеющих известное распространение в среде русского народа. Ведь знаменательно, что некоторые из них, в первую очередь — старообрядчество, стали даже фактором выделения субэтнических групп в русском этносе, но ведь все же это группы именно русские.

И, безусловно, требует особенного внимания, как ясно из предыдущего изложения, уяснение в этом отношении роли атеистической формы мировоззрения. Правомерность постановки этой проблемы видна хотя бы из того факта, что содержание рассматриваемых мировоззренческих максим русского самосознания вовсе не предполагает однозначно провиденциальной гарантированности идеального благоустройства русской нации и всемирного человечества. Ибо этими:

максимали подразумевается скорее не "потустороннее" царство блага, а будущее "земное" благоустройство. Не случайно философские усилия, например, Вл. Соловьева ассимилировать в религиозном ключе идеал будущего "земного" благоустройства (идея "богочеловечества") балансировали с православно-христианской точки зрения на грани ереси. Этот момент хорошо осознавал, кстати, другой религиозный философ, стремившийся не изменять православной ортодоксии, - К.Н. Леонтьев.

В плане социальной детерминации своеобразия мировоззренческого архетипа русскости в историографии "русской идеи" отмечаются идущие из русско-славянской древности традиции общинного быта, традиции демократии сельского "мира" и городского вече, впоследствии - общенациональных соборов. Особо подчеркивается такой тип расселения и освоения русскими в ходе их этногенеза территорий, при котором проживавшие на них племена и народы не изгонялись, а по большей части мирно, с притоком их культур как равноправных русской, включались как бы в состав расселяющегося русского населения. Последнее важно для понимания того, что максима "всемирной отзывчивости" глубоко органична русскости, имеет предпосылки во внутриаэтническом своеобразии русского этногенеза. Среди вопросов, которые в этом плане требуют дополнительного изучения, слабо разработанный в историографии "русской идеи" вопрос об условиях приятного характера межэтнических взаимодействий русских с народами, принадлежавшими, казалось бы, к радикально несхожим с русской православно-христианской традицией культурно-религиозным традициям мусульманства, шаманизма и др. Эта тема требует изучения и применительно непосредственно к современной русской ситуации. Она актуализируется общим ныне для русского этноса и для народов, с которыми русские находятся в межэтнических взаимодействиях, стремлением к восстановлению этнической идентичности и, может быть, в первую очередь - в аспекте принадлежности к соответствующей культурно-религиозной традиции.

Уяснение содержания мировоззренческих архетипов русскости, меры их представленности в современном состоянии русского этнического самосознания, характера закреплённости в институциональных формах и стереотипах поведения ныне, когда уже подорваны и продолжают разрушаться социально-экономические детерминанты и государственно-политические механизмы воспроизводства этноса и его образа жизни как целого, выдвигается в разряд первоочередной задачи теоретических и эмпирических исследований. Ибо прео-

доление социально-экономического и политического кризиса становится собственно возможным лишь как следствие самовосстановления русского этноса в качестве самосознающего и самоидентичного субъекта жизнедеятельности и межэтнических взаимодействий.

ж) Ключевые составляющие структуры предмета исследований

В заключение данного раздела программы резюмируем представления о ключевых составляющих структуры предмета исследований, выявленных в ходе предпринятого здесь теоретико-методологического анализа.

1. Центральным взаимоотношением, в котором концентрируются и из которого исходят все основные взаимосвязи и детерминации структуры образа жизни этноса как субъекта жизнедеятельности и межэтнических взаимодействий являются взаимоотношения индивидуально-человеческого и коллективного начал этнической общности.

Следовательно, при рассмотрении всех иных составляющих структуры предмета исследований необходимо учитывать значение для каждой из них плана взаимоотношений личности и этнического коллектива.

2. Образ жизни этноса структурирован по сферам, выделяемым и субординируемым по принципу объективных базисно-надстроечных детерминаций.

3. Образ жизни этноса структурирован процессами социально-биологических взаимодействий во внутриэтническом плане и в плане взаимодействий этноса с природной средой.

4. Образ жизни этноса каждой из своих объективных подструктур включен в межэтнические взаимодействия - в случае русского этноса это чаще всего взаимодействия по типу взаимодействий "вмещающего" с "вмещаемыми" этносами - и, соответственно, каждая из этих подструктур испытывает обратные воздействия.

5. Образ жизни этноса организован как культурная общность мировоззренческим содержанием этнического самосознания.

6. Мировоззренческое содержание этнического самосознания внутри себя также структурировано: как религиозное и атеистическое двуединство; как православно-христианское и языческое; как мировоззренческое содержание и институциональные формы сознания; как мировоззренческое содержание и стереотипы поведения;

как мировоззренческие архетипы, лежащие в основе ценностного регулирования внутри- и межэтнических взаимодействий; как ядро этнической идентичности и преформирующий фактор по отношению к динамике объективных подструктур образа жизни этноса и, соответственно, по отношению к динамике межэтнических взаимодействий.

## УП. Тематическое содержание предмета исследований.

Выявленные в предыдущем разделе основные составляющие структуры предмета исследований являются, естественно, и образующими основных блоков тематического содержания предмета исследований. Тематическое содержание должно быть конкретизировано под углом зрения задач программы исследований (см. раздел 4). Научно-исследовательский проект по определению должен быть "системой с саморефлексией", предполагающей в каждом исследовательском цикле необходимость возвращения к началу, т.е. к теоретико-методологическим основаниям, с целью их уточнения, коррекции. Стимулом к этому в нашем случае, в частности, явятся результаты эмпирических исследований. Поэтому тема теоретико-методологических оснований структурирования предмета исследований должна быть также включена в общее тематическое содержание. Принимая во внимание сказанное, тематическое содержание предмета исследований можно представить следующим образом:

1. Теоретико-методологические основания исследований современного состояния и динамики русского этноса в межэтнических взаимодействиях в регионах Сибири:

1.1. Проблемы теории этноса (сущность, функция (и), структура, совокупность признаков и др.).

1.2. Типологические черты русского этноса, взятые в том числе в аспекте межэтнических взаимодействий.

1.3. Единство и диалектика взаимосвязи социологического и культурно-антропологического подходов в исследованиях русского этноса, в том числе как субъекта межэтнических взаимодействий.

2. Личность в структурах коллективности русского этноса:

2.1. Структура витальных ("материальных") потребностей личности и групповая (демографическая, в частности, в первую очередь - семейно-родственная, социально-классовая, социально-профессиональная, образовательная и др.) структура этноса: состояние взаимного соответствия-несоответствия, динамика, противоречия.

2.2. Личность в русской этнической культуре: мировоззрение, стереотипы, установки.

2.3. Личность в контексте включенности русского этноса в межэтнические взаимодействия. Русский человек в непосредственном межэтническом общении.

2.4. Проблема русской этнической идентичности и маргинальной личности.

3. Состояние и динамика сфер образа жизни русского этноса как субъекта жизнедеятельности и межэтнических отношений в регионах Сибири:

3.1. Демографическая ситуация.

3.2. Экономические отношения и отраслевая структура производства.

3.3. Социально-классовые отношения и социально-профессиональная структура.

3.4. Сфера образования и социализации молодежи.

3.5. Сфера политических отношений.

3.6. Сферы образа жизни русского этноса как факторы воспроизводства русского этноса как целостной общности.

3.7. Сферы образа жизни русского этноса в их значении для и зависимости от межэтнических взаимодействий.

4. Диалектика социального и биологического в образе жизни русского этноса в регионах Сибири:

4.1. Русский этнос как популяция: региональные субпопуляции и эндогамные поселенческие демы.

4.2. Адаптированность русского этноса к ландшафтам и климату сибирских регионов.

4.3. Межэтнические взаимодействия русского этноса как популяционные: соотношение эндогамности и экзогамности, роль межэтнических браков.

4.4. Здоровье русского человека как интегральный показатель оптимальности-неоптимальности взаимодействий социального и биологического в образе жизни этноса.

5. Русский этнос как этнокультурная общность:

5.1. Опыт этнического самопознания в историографии "русской идеи": реконструкция русского мировоззрения.

5.2. Мировоззренческое содержание русского этнического самосознания: регулирующая функция по отношению к образу жизни этноса.

5.3. Состояние институциональных форм воспроизводства мировоззренческого содержания русского самосознания:

5.3.1. церковь, религиозное воспитание и образование;

5.3.2. государственная и частная (секулярная) школа;

5.3.3. государственные и местные органы управления культурными учреждениями;

5.3.4. культурно-просветительные учреждения;

5.3.5. художественная самодеятельность, особенно фольклорного профиля;

5.3.6. русские традиционные художественные и иные промыслы.

5.4. Семья как институт воспроизводства русского самосознания и русской этнокультурной общности.

5.5. Роль русской этнической культуры в выходе из социально-экономического кризиса образа жизни.

5.6. Типологические особенности взаимодействий русского этноса, принадлежащего к православно-христианской традиции, с народами мусульманской, буддистской, шаманистской мировоззренческих традиций.

5.7. Значение межкультурных взаимодействий для воспроизводства русского этноса (в частности, как "вмещающего"). Межатнические браки и процесс воспроизводства русского этноса.

6. Русское этническое самосознание сибиряков: традиции и современность:

6.1. Традиционный русский фольклор в его бытовании в содержании современного русского самосознания.

6.2. Русская история и русская историческая мысль в их значении для русского этнического самосознания.

6.3. Русская художественная литература – древняя, классическая и современная – в русском этническом самосознании.

6.4. Мировоззренческие архетипы\* в современном русском самосознании: соотношение религиозного и атеистического, православно-христианского и языческого в содержании этнического самосознания.

6.5. Мировоззренческие архетипы и этнические стереотипы поведения.

6.6. Стереотипы поведения русского человека в различных сферах образа жизни, их значение в его воспроизводстве.

---

\*То есть мировоззренческие ориентации, сформировавшиеся в русском этногенезе.

6.7. Стереотипы поведения русского человека в сфере межэтнического общения. Стереотипы русскости и межэтнические браки.

6.8. Этническое самосознание: этническая идентичность и маргинальность современных русских людей.

7. Русское этническое самосознание сибиряка и современный выбор социальных ориентаций:

7.1. Этническое самосознание и доминирующие образы путей выхода из современного социально-экономического кризиса.

7.2. Этническое самосознание, мотивы и характер доминантных политических предпочтений на современном этапе (ориентации на политические программы, партии; индексы популярности политических лидеров, образы идеального национального лидера).

7.3. Этническое самосознание и доминирующие представления о должном русском и общероссийском национально-государственном устройстве.

7.4. Этническое самосознание в выборе между социализмом, капитализмом и "третьим путем". Доминирующие образы "третьего пути".

8. Русское этническое самосознание сибиряка и современный выбор цивилизационных и геополитических ориентаций:

8.1. Этническое самосознание в выборе между традиционным русским патриотизмом и современными космополитическими тенденциями вестернизации и американизации.

8.2. Этническое самосознание и выбор в системе оппозиций советских и либеральных ценностей (соответственно: "коллективистское общество - гражданское общество", "советская форма власти - профессиональный парламент", "плановая экономика - рыночная экономика", "социальная защищенность человека - права человека" и др.).

8.3. Архитектоника содержания современного русского самосознания сибиряка в измерении: сибиряк - русский - славянин - евразиец.

8.4. Содержание русского этнического самосознания сибиряка с точки зрения баланса ценностных предпочтений по осям "Запад - Восток", "Север - Юг".

Предполагается, что тематическое содержание предмета исследований будет профилироваться соответственно конкретным условиям тех регионов и поселений, которые будут в ходе осуществления про-

граммы избираться для эмпирического изучения (см. об этом в разделе УШ), а также соответственно реальным — материальным и организационным — возможностям, которые будут иметься в распоряжении исследовательского коллектива в случае каждого отдельного проекта конкретно-эмпирических исследований.

Тематическое содержание предмета исследований кроме того необходимо дополнить тематическим блоком, посвященным непосредственно практически-прикладному аспекту предлагаемой программы (см. раздел IX).

#### УШ. О методических аспектах эмпирических исследований в рамках программы

Элементарными эмпирическими референтами объекта и предмета исследований, удовлетворяющими условию непосредственной доступности для эмпирического наблюдения и изучения, и при этом условии отвечающими требованию возможно большей полноты воплощенности характеристик образа жизни русского этноса, являются первичные территориально-поселенческие общности: отдельные города, рабочие поселки, в сельской местности — отдельные крупные поселки (села) или несколько мелких поселений, объединяющихся вокруг одного, центрального поселка. Обычно названные сельские поселения представляют собой территориальную общность, в административном плане входящую в единый сельский совет. Относительная самостоятельная значимость первичной территориально-поселенческой общности в воспроизводстве образа жизни этноса заключается в том, что это "объединение людей, связанных совместным проживанием на территории, масштаб которой допускает возможность непосредственных контактов в процессе осуществления комплекса повседневных жизненных функций". (Паин Э.А. Система территориальных общностей и ее роль в формировании и воспроизводстве этнокультурных традиций в условиях урбанизации//Советская этнография. 1987. №1. С.14).

Вместе с тем, предметом и целью нашей программы исследований предполагается, что эти первичные территориально-поселенческие общности должны быть общностями, в рамках которых проживают совместно с русским населением население иных национальностей, с которым русские находятся в непосредственных межэтнических контактах. При этом необходимо избирать для проведения эм-



пирических исследований такие поселения, в которых сохраняется определенная компактность, численная сопоставимость каждой из совместно проживающих этнических групп.

При определении значимости эмпирически выявляемых на материале первичных территориально-поселенческих общностей характеристик состояния и динамики русского этноса, в их влиянии на- и зависимости от межэтнических взаимодействий, для уровня русской этнической общности в целом необходимо учитывать место этой первичной территориально-поселенческой общности в иерархии социально-пространственной организации этноса в целом, ее особую, определяемую этим местом, роль в воспроизводстве этнической традиции. (См.: Там же.)

Важно было бы кроме того для достижения той же цели сопоставить показатели компактности расселения русского этноса в каждой данной первичной территориально-поселенческой общности с показателями компактности расселения этноса в целом. (См. об этом: Сажин В.В. Определение компактности расселения этносов// Советская этнография. 1984. №5.) А также сопоставить зависимый от характера совместного расселения русского и других этносов (другого этноса) в данной территориально-поселенческой общности уровень вероятности межэтнических контактов с соответствующими показателями в иных регионах расселения русского этноса. (См. об этом: Сусоколов А.А. Влияние совместного расселения национальностей на вероятность межэтнических контактов. (К методике измерения// Советская этнография. 1979. №1.)

Помимо обычных показателей репрезентативности выборок опрашиваемого или тестируемого населения, как то: пол, возраст, профессия, национальность и др., по условиям нашего исследования обязательно должна фиксироваться принадлежность русских респондентов к русским сибирским субэтническим группам, а также к категориям старожильческого, коренного в 2-3 поколениях, постоянно проживающего в первом поколении и, наконец, временного русского населения Сибири.

К показателям репрезентативности эмпирических выборок, как среди русского населения, так и среди представителей того этноса (этносов), с которым (-и) русские находятся в непосредственных межэтнических контактах, должны быть отнесены в соответствии с предметом нашего исследования также показатель распространенности смешанного в национальном отношении происхождения людей (то есть,

должна быть учтена национальность родителей респондентов) и показатель распространенности межэтнических браков (т.е. должна быть учтена национальность мужа/жены респондента).

Для операционализации временного измерения предмета исследований, фиксируемого как нынешнее состояние русского этноса — что можно было видеть из анализа русской ситуации (см. раздел I) — уместно сослаться при уяснении представлений респондентов по этому поводу на период времени после известных событий августа 1991 г.

Из единства социологического и культурно-антропологического подходов, конституирующих предмет предлагаемой исследовательской программы, следует, что в эмпирических исследованиях методики изучения объективных структур и факторов целостности этноса должны сочетаться с методиками культурологического анализа, предполагающего личностный план этнического существования. Первая группа методик включает в себя методики сбора и использования статистического материала, отображающего состояние и динамику сфер образа жизни этноса, методики сбора, обработки и анализа материалов массовых социологических опросов, отображающих состояние и динамику коллективных структур. Ко второй группе методик могут быть отнесены принятые в "этнографии современности" (см., напр.: Шмелева М.Н. Полевая работа и изучение современности // Советская этнография. 1985. №3; Обсуждение проблемы: Советская этнография. 1985. №4; 1986. №1) методы сбора информации от отдельных информаторов — особенно ярких носителей этнической культуры и традиций; этнопсихологическое тестирование, этнолингвистические реконструкции ценностных смыслов и значений этикетных и бытовых стереотипных формул и выражений. Представляется, что перспективной в этнокультурологическом плане была бы адаптация методики "эмпирического исследования установок личности на себя" (См.: Кун М., Маккартленд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984.) для целей исследования содержания и состояния этнического самосознания.

Впрочем, разделение методик эмпирических исследований на две названные группы должно быть относительным. Так, массовые социологические опросы могут дать материал не только для суждений о состоянии и динамике объективных структур коллективности, но и о ценностном содержании этнического сознания, если в опросники будут корректно включены соответствующие вопросы. С другой стороны,

общение исследователя с индивидуальными информаторами, являющееся источником получения информации о смысловом содержании и традициях этнической культуры, хранимых отдельными людьми, может явиться - при предложении информатору стать экспертом - источником информации о степени распространенности соответствующих культурных явлений в рамках всей данной территориально-поселенческой общности (или даже и за ее пределами).

Наконец, заметим, что социологические опросы, с одной стороны, русского населения, а с другой - представителей народа (народов), с которым (с которыми) русские проживают совместно в рамках данной территориально-поселенческой общности, должны содержать как общий для обеих сторон массив вопросов, так и массивы вопросов, специально адаптированные к особенностям каждой из сторон. Культурологические методики сбора информации о взаимодействующих этнических группах должны давать сопоставимый материал и служить выявлению аналогий и различий в этнических культурах. И социологические, и культурологические методики должны давать информацию об оценках взаимодействующими сторонами друг друга, без чего невозможно понять значение межэтнических взаимодействий для внутреннего развития русского этноса.

#### IX. Практически-прикладное предназначение исследований

Практически-прикладные аспекты цели исследований состоят в следующем:

- выявление причин и источников нынешнего кризиса образа жизни русского этноса как субъекта жизнедеятельности и межэтнических взаимодействий, поиск способов преодоления кризиса русского этнического существования;

- прогнозирование и разработка сценариев вероятных тенденций динамики образа жизни и межэтнических взаимодействий русского этноса в различных регионах Сибири;

- постановка и обсуждение проблемы потребности в формировании системы общесибирского и местного национально-территориального самоуправления русского этноса, в частности, как способа регулирования межэтнических взаимодействий;

- поиск путей преодоления двусмысленности статуса русского этноса ~~форм. об этом в разделе I)~~ в федеративном устройстве России.

Забел 65  
Ковалев

## Х. Научно-организационное обеспечение программы исследований

Предлагаемая исследовательская программа подготовлена в секторе теории этноса и культурно-антропологических исследований Института философии и права СО РАН (автор - зав.сектором). Исследовательская программа опирается на традицию теперь уже более чем двадцатилетнего цикла исследований современных проблем образа жизни народов Сибири, ведущихся в ИФП под руководством чл.-корр.РАН В.И.Бойко. Изучаются такие стороны образа жизни народов Сибири, как социально-экономические, миграционные и демографические процессы, сфера труда, социально-профессиональная структура и мобильность, система образования и социализация молодежи и др. Результаты этих исследований опубликованы в монографиях, сборниках статей, материалах конференций.

В Институте имеется опыт координации исследований, проводимых в ряде научных центров Сибири, в рамках единых исследовательских программ. Назовем для примера осуществленную во второй половине 1980-х гг. исследовательскую программу "Социальное и экономическое развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса". Имеется также опыт осуществления программы исследований образа жизни народов совместно с зарубежными учеными. Такова советско-канадская программа "Пути политического развития народов Севера России и Канады". Ее результаты отражены, в частности, в следующей совместной публикации: *Ways of Political Development of Indigeneons Peoples of the North. The papers of second Scientific Colloquium "Russia-Quebec". Novosibirsk. 1991.*

В 1991-1992 гг. сотрудниками сектора теории этноса и культурно-антропологических исследований осуществлена исследовательская программа по изучению социально-экономических проблем и проблем культурного развития малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа. Результаты изложены в монографии: Мархинин В.В., Удалова И.В. Этнос в ситуации выбора будущего. По материалам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа. Новосибирск, 1993. (Ожидается выход из печати.) Коллектив сектора участвует в обосновании и осуществлении программы этносоциологического мониторинга в Эвенкийском автономном округе. (См.: Мархинин В.В. К обоснованию исследовательской программы этносоциологического мониторинга. Препринт. Новосибирск, 1992.)

Хотя прежде проблемы образа жизни русского этноса не изучались нами специально, однако они так или иначе входили в круг исследовательских интересов, поскольку исследования образа жизни других народов Сибири проводились по материалам социологических выборов, обязательно включавших и русское население.

Эмпирические исследования, проводимые коллективом сектора, обеспечены имеющейся в ИФПР компьютерной системой хранения, обработки и анализа информации, возможностями математического моделирования изучаемых явлений.

Таким образом, существуют достаточные научно-организационные условия для осуществления представленной здесь программы исследований.

## П р и л о ж е н и я :

Е.А.Ерохина

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП РУССКОГО СТАРОШИЛА-СИБИРЯКА:  
ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ,  
ЭТНИЧЕСКОГО ОКРУЖЕНИЯ НА ЕГО ФОРМИРОВАНИЕ.  
ЭТОТ ТИП СЕГОДНЯ.

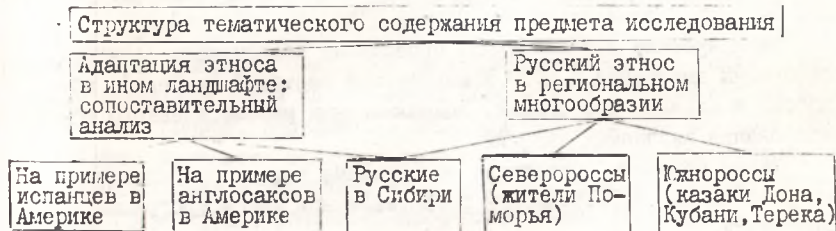
Т е о р е т и ч е с к о е о б о с н о в а н и е . Ввиду отсутствия фактического материала о культурно-психологическом типе русского сибиряка и вариантах его субэтнических проявлений на протяжении последних 80 лет, существует потребность в теоретических и практических исследованиях этого вопроса. Эта тема находится на стыке проблем: а) адаптации этноса в отличающемся от прежнего вмещающем ландшафте; б) субэтнических типов и различий регионального характера в рамках русского этноса.

Ц е л ь и с с л е д о в а н и я . Предполагается исследование проявлений субэтнического типа "русский сибиряк" в разрезе: 1) конфессиональном: старообрядцы, православные, сектанты; 2) сословно-правовом: казаки, крестьяне, горожане, ссыльные, уголовный элемент; 3) метисации: степень смешения с местным населением; 4) ведущего рода занятий, обусловленного природно-климатической средой.

О б ъ е к т и п р е д м е т и с с л е д о в а н и я . В качестве объекта выделяется русский этнос Сибири на протяжении двух веков (XIX-XX вв.) в его субэтнических проявлениях. В ка-

честве предмета исследований фигурируют выраженные в хозяйстве, быту, духовной сфере, народном творчестве культурные особенности сибирского русского типа.

Ст р у к т у р а и с с л е д о в а н и я :



О с н о в н ы е            з а д а ч и .

Собрать сведения о:

1) процессах взаимовлияния между русскими и коренными народами Сибири в плане биологическом (смешанные браки, метисы и т.д.) производственном (рациональные приемы природопользования); жизнеобеспечивающем (жилище, питание, одежда); соционормативном (мораль, обычаи и т.д.); религиозном (влияние шаманизма на русских и православия на аборигенов); познавательном-информативном (научные и опытные знания, искусство);

2) субэтнических общностях, сформированных на русской этнической основе в Сибири (казаки, сибирские староверы, сектанты, семейские, камчадалы и т.д.);

3) процессе размывания этнического типа сибиряка-старожила в XX в.;

4) сегодняшнем облике русского сибиряка.

Е.Ф.Фурсова

#### САМОСОЗНАНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПРИОБЬЯ) к. XIX-нач. XX в.

Т е о р е т и ч е с к о е   о б о с н о в а н и е : Этническое самосознание трактуется как отражение этноформ структуры "своего" этноса. В качестве индикаторов изучаемого феномена рассматриваются установки информаторов по поводу существенных элементов "своей" культуры.

С о с т о я н и е в л и т е р а т у р е : специально на сибирском материале не исследован (см. статью: Филиппов В.Р. Этнические установки и этническое самосознание (по материалам Подмосквья)).

Ц е л ь : предполагается выяснить соотношение структурных элементов самосознания в интересующих нас российских этнографических, субкультурных группах крестьян Приобского региона (старожильческих - "чалдонов", казаков, "поляков", "двоеданов", "курганов" и пр., позднейших российских переселенцев к. XIX - начала XX в. - "хохлов", "томбашей", "рязан", "вятичей", "курян" и т.д.).

О б ъ е к т и п р е д м е т и с с л е д о в а н и я : в качестве объекта исследования выступает личность как носитель этнических свойств народа. (Это человек, не сомневающийся в своем славянском (русском, украинском, белорусском) происхождении и располагающий информацией.) Полученные от информаторов старшей возрастной группы данные привлекаются для сравнительно-исторического анализа в качестве исходных (базовых).

1. Благодаря компонентному анализу в различных этнокультурных группах оценивается интенсивность установок по поводу важнейших компонент и их смысловой этнической спецификации: нравственный, духовный (представления о душе, ее роли и месте), этический, экологический, фольклорный, формы материальной культуры.

2. Особенности национальной идентификации с "русскими", "славянами", "сибиряками", "хохломи", "мордвой", "пермяками", "удмуртами" в различных этнокультурных группах. Самоназвание, самооценка, оценка со стороны других, соседних групп россиян, а также "дразнилки", анекдоты и т.д.

И.В.Удалова

#### ЭТНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ РУССКОГО НАРОДА : ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А к т у а л ь н о с т ь исследования определяется острокризисными тенденциями в области демографии, сложившимися в России к настоящему времени. Резкое падение численности населения, вызванное падением рождаемости и ростом смертности населения, требует незамедлительной реакции всего русского народа, существова-

ние которого поставлено под угрозу.

**Цель исследования:** В этой связи необходима помощь науки, в задачу которой должно входить как объективное отражение сложившейся ситуации, так и поиск конструктивных мер, направленных на разрешение, устранение причин, породивших нынешнюю ситуацию, что невозможно без обращения к прошлому опыту семейных отношений в России.

**Объектом исследования** в рамках общей темы "Русский этнос в межэтнических взаимодействиях" является русское население Сибири, а также семья как носитель и субъект русского этноса.

**Предметом изучения** является исследование роли семьи в воспроизводстве этноса и, в частности, роли христианских традиций в воспроизводстве этноса и семьи.

**Задачи исследования:**

1) изучение демографической ситуации в регионах Сибири; сравнительный анализ уровней рождаемости и смертности; причины смертности: структура и тенденции изменения;

2) анализ изменения доли смешанных браков в Сибири; проблема этнической идентичности и значение семьи с точки зрения этнической идентичности;

3) изучение проблемы неблагополучных семей и роста отклоняющегося поведения;

4) исследование роли христианских ценностей в семейных отношениях как основы воспроизводства русского этноса.

**Основная гипотеза исследования** исходит из необходимости укрепления семьи, что предполагает возрождение православных традиций. Это, в конечном счете, должно способствовать возрождению русского национального самосознания с его регулятивной функцией по отношению ко всем основным сферам образа жизни, в том числе и по отношению к семье.

Т.О.Бажутина

#### ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЦЕННОСТНО-ЯЗЫКОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ РУССКИХ

**Теоретическое обоснование.** В гносеологическом плане проблема состоит в фактическом отсутствии теоретических концепций, основанных на знании реально существующей нормативно-ценностной системы русской этнической общности,



учитывающих национальную специфику мировосприятия и миропостроения.

В социально-практическом плане проблема заключается в том, что проводимые и предлагаемые правительством России социальные реформы не адаптированы к исторически конкретным этнокультурным условиям и возможностям и специфицированы лишь формально, но не содержательно.

**Ц е л ь и с л е д о в а н и я .** Предлагается исследование как осознаваемых, так и неосознаваемых нормативно-ценностных ориентиров (в том числе и языковых) русской этнической общности, система которых и детерминирует, в конечном счете, идеальную для данной общности модель общественного устройства.

**О б ъ е к т и п р е д м е т и с с л е д о в а н и я :** В рамках общей темы "Русский этнос в межэтнических взаимодействиях: регионы Сибири" в качестве объекта выступает личность как носитель и субъект русского этноса. Предметом изучения является направленность личности в русском этносе, детерминируемая этническими стереотипами поведения.

В целях объективации структуры этнически задаваемых моральных ценностей личности и социально одобряемых характеристик поведения индивида в социуме предполагается изучение:

1. Структурных компонентов личности (мировоззрения, ценностей, идеалов, знаний, установок, потребностей, интересов и т.д.) в трех измерениях: отношение к прошлому, настоящему и будущему.

2. Отношение к пространству.

3. Выявление приоритетов в системе определенного набора общечеловечески одобряемых качеств (терпимость, смелость, доброта, щедрость, трудолюбие и т.п.) в их смысловой этнической спецификации.

4. Поскольку строй народного мышления (национально-культурная семантика) отражается в первую очередь в (т.н. строевых) идиоматических единицах языка, которые непосредственно и прямо отражают внеязыковую действительность, провести содержательный анализ этих знаков ситуаций.

**О с н о в н а я г и п о т е з а п р е д п о л а г а е м о г о и с с л е д о в а н и я :** Для того, чтобы максимально объективировать на выходе данные о динамике современных этнических процессов, выявить внутренние (естественные) и внешние (искусственные) факторы этих изменений в русском этносе, необходимо

определение изоморфа системы. А это в этнопсихологических исследованиях можно сделать лишь посредством интерпретации косвенных данных, ибо маркирующими признаками этноса являются не столько осознаваемые, сколько неосознаваемые отличия и характеристики.

Представляется, что в основе специфики русского этноса лежит конкретно-историческая традиция социализации индивида, в основании которой – особенное построение картины мира в рамках представлений о пространстве – времени. Данная специфика проявляется как в языке, который в идиомах фиксирует второстепенность пространственных характеристик ("в тридесятом царстве, в тридесятом государстве"), так и по содержательному использованию базовых мировоззренческих понятий в способах жизнедеятельности, отдающих приоритет "временным понятиям" (делу – время, потехе – час).

Предполагается, что основанный на этой специфике мир общественных отношений должен строиться адекватным по отношению к ней образом.

Н.В.Исакова

#### РУССКИЕ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Проблемная ситуация.

Социальная: низкая эффективность социальной политики при проведении политических, экономических и культурных мероприятий ввиду абстрактности подхода к человеку, иными словами, неадекватность целей и результатов этой политики.

Гносеологическая: отсутствие научной модели, позволяющей корректировать деятельность органов социального управления согласно глубинным потребностям конкретного человека.

Объект и предмет исследования. В качестве объекта вытупает русская культура, содержащая в снятом виде весь опыт жизнедеятельности этноса в конкретных пространственно-временных координатах, что отражается в потребностях и поведении индивида – представителя этноса.

В качестве предмета – ценности ориентации и этнокультурные стереотипы поведения различных групп русского этноса (региональный аспект).

## Ц е л ь и з а д а ч и и с с л е д о в а н и я .

Поиск объективных, этнически маркированных характеристик поведения человека, содержащих в снятом виде опыт жизнедеятельности этноса, свободных от идеологических парадигм. Анализ роли этноса в достижении стабильного (устойчивого, гармоничного) развития на уровне индивида.

Это предполагает выделение следующих задач:

1) определение места человека в системе этноса, выявление характера и иерархии связей в соотношении: человек (индивид) - этнос;

2) сопоставление традиционных этносов и современных этнических образований: установление разрушенных компонентов, без которых этнос теряет свои защитные функции;

3) анализ этнических стереотипов, этнической картины мира и этнопсихологических особенностей как проекции специфики этноса на индивида (его поведение, мышление, ментальность).

## Г и п о т е з ы и с с л е д о в а н и я :

Исходным основанием для выдвижения гипотез служат две теоретические позиции. Первая из них - культурологическая. Ее содержание заключается в утверждении, что человек является частью космоса, элементом огромной космической системы, поэтому должен подчиняться закономерностям ее существования. Идея космизма - в традициях русской философской мысли (Н.Бердяев, В.Розанов, В.Соловьев, П.Флоренский). Другая позиция - естественнонаучная. Суть ее можно выразить в формуле: "история человека записана в его генах". Эта идея высказана и доказывается в работах Ю.Рычкова.

Согласно этим позициям можно предложить свою модель динамики русской культуры.

Существует здание этнической жизни, формировавшееся в течение многих веков. Продукт его деятельности - культура, являющаяся собственно сферой формирования человека и отраженная в определенных этнических маркерах его поведения, психологии, ментальности.

Этнические сообщества установили стабильные, устойчивые отношения с окружающей природой, стабильные отношения внутри сообществ. На уровне человека это проявилось в ощущении определенной устойчивости, гармоничности, защищенности.

В некоторый исторический период это равновесие в русском эт-

носе было нарушено, главным образом путем чрезмерного субъективного вмешательства в естественный ход жизнедеятельности этноса. И это не замедлило сказаться на возникновении многих социальных негативов.

Для исследования предлагаются следующие гипотезы:

1. Определяющим моментом, придающим своеобразие этнической культуре (где в снятом виде содержатся ее связи с космосом и что отражено в генетических маркерах этничности) является пространство, территория, занятая этносом.

2. Основанием для возникновения социальных негативов служит лишение родовой территории (в виде принудительных миграций) как ключевого элемента для других элементов этнического здания.

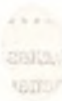
3. Серьезной причиной является также разрушение вертикальных этнических связей – иерархии связей (в частности, связи с космосом через ритуалы, обряды, праздники).

4. Разрушенные элементы можно восстановить через выявление глубинных этнических потребностей и типическое (для определенных ситуаций) поведение представителей русского этноса.

## С о д е р ж а н и е

I. Русская ситуация как проблема: актуальность исследований	3
II. Цель программы исследований	4
III. О состоянии историографии и библиографии по теме программы исследований	4
IV. Объект, предмет и задачи исследований	12
V. Характеристика объекта исследований	13
VI. Теоретико-методологические основания структурирования предмета исследований	27
а) Постановка проблемы сущности этноса: недостаточность дилеммы "социальное - биологическое".	27
б) Единство социологического и антропологического подходов в экспликации сущности и структуры этноса. Типологические черты русского этноса.	30
в) Ограничения, налагаемые позитивистской установкой на понимание этноса как культуры.	37
г) Религиозное-и-атеистическое двуединство мировоззрения.	41
д) Мировоззрение как содержание этнического самосознания, организующего этническую культуру.	46
е) Проблема архетипических мировоззренческих максим русского этнического самосознания: актуальность в контексте современной ситуации.	53
ж) Ключевые составляющие структуры предмета исследований.	57
VII. Тематическое содержание предмета исследований	58
VIII. О методических аспектах эмпирических исследований в рамках программы	62
IX. Практически-прикладное предназначение исследований	65
X. Научно-организационное обеспечение программы исследований	66
XI. П р и л о ж е н и я :	
Ерохина Е.А. Культурно-антропологический тип русского старожила-сибиряка: влияние географической среды, исторической эпохи, этнического окружения на его формирование. Этот тип сегодня	67
Фурсова Е.Ф. Самосознание и этническая культура славянских народов Западной Сибири (Приобья) к. XIX- нач. XX в.	68

Удалова И.В. Этно-демографическая ситуация русского народа: традиции и современность .....	69
Бадутина Т.О. Этническая психология и ценностно-языковые ориентиры русских .....	70
Исакова Н.В. Русские: этнокультурная определенность .....	72



V.V.Marchinin

Russian Ethnos in Crossethnic Interactions:  
the Program of researches in Siberian Regions

A problem of russian ethnos today is analysed in the Program. An importance of crossethnic interactions for russian ethnos reproduction is taken into account. Methodological foundations and research aims and tasks of russian style of life and interactions with the other peoples are discussed. Some possible technique approaches to empirical researches in the framework of the Program are laid down. Possible applications and organizational provision of the Program are shown.

Research projects of Yerochina Ye.A., Fursova Ye.F., Udalova I.V., Bazhutina T.O., Isakova N.V. are presented in the Appendix. Different aspects of the problem are detailed in these projects.

©

Institute of Philosophy and Law  
Siberian Division of Russian Academy  
of Sciences, 1993

## CONTENTS

I. Russian situation as a problem: urgency of the research...	3
II. The aim of the research.....	4
III. Historiography and bibliography of the theme.....	4
IV. An object, subject and tasks of the research.....	12
Y. Description of the object.....	13
V. Methodological foundations of the research subject.....	27
a) Statement of the ethnic nature problem: inadequacy of the "social-biological" dilemma.....	27
b) Unity of sociological and anthropological approaches in an explication of the ethnic nature and structure. Typology of russian ethnos.....	30
c) Restriction of the positive conception of ethnos as culture.....	37
d) Religious-atheistic antinomy of the world outlook.....	41
e) Outlook as a content of ethnic consciousness organizing ethnic culture.....	46
f) Problem of archaetypical maxima of the russian ethnic consciousness: its urgency in the modern situation....	53
g) Key points of the structure of the research subject...	57
VI. Topics of the research subject.....	58
VII. Technique aspects of empirical researches in the framework of the Program.....	62
VIII. Possible applications.....	65
IX. Organizational provision of the Program.....	66
X. Appendix:	
Yerochina Ye.A. Cultural and anthropological type of russian old-timer in Siberia: the influence of geographical medium, history, and ethnic environment.....	67
Fursova Ye.F. Self-consciousness and ethnic culture of the slavic peoples of the Western Siberia (near the Ob river) in the end of the XIX-beginning of the XX century.....	68
Udalova I.V. Ethno-demographical situation of the russian people: traditions and modern time.....	69
Bazhutina T.O. Ethnic psychology and value- linguistic orientations of russians.....	70
Isakova N.V. Russians: ethnocultural identification.....	72



Подписано к печати 11.08.93

Формат бумаги 60x84/16

Тираж 100 экз. Заказ 135

Объем 5 уч.-изд.л.

---

Отпечатано в типографии ВЦ СО РАН